

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ГРЕГОРИ БЕНФОРД
ЛАРРИ НИВЕН

18+

ЧАША НЕБЕС

Звезды научной фантастики

Грегори Бенфорд

Чаша небес

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Бенфорд Г.

Чаша небес / Г. Бенфорд — «Издательство АСТ»,
2012 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-151153-1

Экспедиция, летящая от Земли к другой звездной системе, встречает в космосе нечто невероятное: чашеобразную конструкцию размером с Солнечную систему, внутри которой, подобно двигателю, горит звезда. Довольно быстро выясняется, что Чаша обитаема. Но куда она направляется? И кто ее создал? На объект посылают команду исследователей, но Первый Контакт идет совершенно не по плану. Теперь людям предстоит выяснить цели исполинского артефакта, узнать, кто его населяет, и благодаря этому изменить взгляды даже на свое место во Вселенной.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-151153-1

© Бенфорд Г., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Часть вторая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Грегори Бенфорд, Ларри Нивен

Чаша Небес

Действующие лица

Клиффорд Каммаш (Клифф), биолог.

Майра Викрамасингх, пилот, из команды Бет.

Абдус Викрамасингх, пилот, из команды Бет.

Глория, планета – цель полета.

Редвинг, капитан корабля.

«Искательница солнц», корабль.

Элизабет Марбл (Бет), биолог.

«Эрос», первый корабельный зондочелнок.

Фредерик Ояма (Фред), геолог, из команды Бет.

Айбе, инженер, из команды Клиффа.

Говард Блэр, инженер, из команды Клиффа.

Терренс Гоулд, из команды Клиффа.

Ирма Микельсон, ботаник, из команды Клиффа.

Тананарив Бэйли, из команды Бет.

Лау Пинь, инженер, из команды Бет.

Другие члены экипажа «Искательницы солнц»:

Джамбудвипа¹, сокращенно Джам, индеец, квартирмейстер.

Айян Али – арабка, навигатор.

Клэр Конвей – пилот.

Карл Ливан – офицер-технолог.

Астрономы

Мемор, Уполномоченная Астроном-Дальновзорка.

Асенат, Мудрица.

Икахаджа, Экосистем-Савант.

Оманах, Экосистем-Стаехозяйка.

Рамануджи, Биолог-Савант.

Канаматха, Биолог-Стаехозяйка.

Тхаджи, Судья-Савант.

Адапты

Разнообразные существа, переселенные в Чашу Небес и интегрированные в местную экосистему.

¹ Название земной суши и иногда Земли как мира людей в целом в индуистской космологии.

Пролог

Прощальная вечеринка

*Где плещут волны, там блуждал я,
Красками юности был ослеплен,
Ученым сказкам послушно внимал я
В виду шири бескрайней Времен.*
Альфред Теннисон. Локсли-холл

Клифф отвернулся от тех, с кем прощался, и посмотрел на мир, который ему больше не суждено увидеть.

Вокруг шумела развеселая вечеринка. Смех, крики, песни, музыка. Слишком веселый смех, слишком громкая музыка, все немного слишком. Электрические аккорды перекрывали напутственные речи. Они простились со своими близкими на Земле, и теперь «Искательница солнц» – экипаж и пассажиры – прощалась с техниками, построившими звездолет, с легионами специалистов, натаскивавших команду, с представителями политических и экономических структур, обеспечивших кораблю запуск в непознанную пустоту.

Хотя картинка была очень четкой, он не забывал, что это всего лишь экран, изображение, подстроенное с вычетом центробежной силы, так что Земля кажется повисшей в пространстве, а от нее к докам «Искательницы» летят мириады серебристых мошек. А вот еще стайка искорок тянется от космофабрик на высоких орбитах, и еще одна – к лунным флингерам. Десятилетнее путешествие завершал сверкающий астероид, окруженный серебристыми роями робокомплексов, выгрызавших его каменную утробу и перерабатывавших вещество глыбы на строительные материалы для колонии. Покрытые отражательными слоями биокупола ожидали, пока в них ступят члены команды и продолжат терзать захваченный в плен камень. Окутанные серебристым туманом, который развеется с пробуждающим их Солнцем.

Его поразило, как похожи эти космические машины на произведения искусства. Избавленные от пут гравитации, они казались искаженными набросками многогранников и фигур евклидовой геометрии, кубов, эллипсоидов, тупоносых цилиндров, только не было привычных по скелетным моделям прутьев между вершинами; с неспешной грацией ползущего ледника перемещались они на темном фоне, кое-где расцвеченном драгоценными камнями далеких звезд. С геостационарной орбиты он не различал отдельные спутники. Задал увеличение, сузил экран, но это не помогло. В поле зрения, однако, вплыл рой роскошных отелей для богачей древности, построенных уже больше двух веков назад. Религиозные общины на орбите были многочисленней, но их адепты вели, как правило, спартанский образ жизни; так и получалось, что сновавшие туда-сюда, испещрявшие лик планеты корабли, когда попадались на глаза, оказывались преимущественно коммерческими. Земля величественно плыла в пустоте, и рои машин вокруг нее были как белая пена на гребешках волн. Он переместился чуть вбок и поймал в первой точке Лагранжа отблеск исполинской френелевской линзы, висящей между планетой и Солнцем. Отсюда он наблюдал ее затуманенную окружность почти с ребра. Заслонка отводила избыточное звездное излучение, не давая и без того разгоряченной Земле накаляться еще пуще. Вокруг линзы мерцали облачка вспомогательных механизмов.

– Знаешь, – мягко промолвила оказавшаяся позади Бет, – когда мы проснемся, во всем этом уже не останется нужды.

– А мы даже не выйдем из нынешнего возраста, – ответил Клифф, обернувшись к ней. Глаза его лучились радостью.

Она подмигнула, усмехнулась и поцеловала его.

– Ты такой оптимист, ну как я могла в тебя не втюриться?

– Если бы я заранее не обдумал, как все будет, когда мы проснемся, то и не полетел бы.

На ней было облегающее стройную фигурку, подвернутое у шеи, перехваченное парой янтарных браслетов у запястий платье, явно не предназначенное для полета к самой Глории. С правого бока поляризованная ткань открывала взгляду обнаженное тело – кожа Бет была цвета шардоне. Тон синтешелка можно было регулировать по желанию владелицы, и Клифф подумал, что она наверняка подстроила его к браслетам. Оставалось надеяться, что всю эту красоту видит он один. Впрочем, оглянувшись, он заподозрил, что окружающие попросту старательно отводят взгляды. Собственно, на вечеринке всякому нашлось бы что проигнорировать: подтягивающие бюстье, перья, маски, ожерелья, блески – на женщинах; гульфики, едва сходящиеся на груди рубахи, высокие шляпы, придававшие сходство с хищной птицей, – на мужчинах.

– Кажись, тут сегодня вечерком выброс феромонов, – сухо заметила Бет.

Это было не в его стиле.

– Бравадой тут пахнет, скажу я тебе.

И он без лишних слов заключил ее в объятия. Они поцеловались. Он рано усвоил, что таков наилучший способ предотвратить назревающую ссору, особенно если в голову не приходит ничего поумнее. Зеленые глаза Бет сверкнули. Все продолжали притворяться, будто ничего не замечают.

А и пусть. В конце концов, он мало кого из этих зрителей еще увидит.

Кстати, сходную мысль вынесли на растяжку поперек подвесного потолка комнаты. Авторство ее принадлежало техникам, много лет трудившимся совместно с будущим экипажем над постройкой и наладкой «Искательницы солнц».

Надеемся, вы так же счастливы оставить нам этот мир, как мы – снарядить вас в поездочку с ветерком

Терри и Фред перехватили парочку по дороге к бару и со смехом указали на это изречение.

– Прикольно, – заметил Терри. – Мы сегодня улетаем на Глорию, а завтра эти ребятки возвращаются ишачить на стапелях следующего ионоточника. Но такое впечатление, что они радуются даже больше нашего!

– Ага, – подтвердил Фред. – И правда, странно. Они так же счастливы дать нам пинка под зад, как и мы сами – свалить.

– Мы все тут немного психи, – сказал Терри. – Так говорят санитары, я им верю. С чего бы психам не порадоваться, что их отпускают обживать дивный новый мир?

– Вместо того чтобы восстанавливать старый, досуха выжатый? – уточнил Клифф. Странно было встречать сейчас с такой репликой, но удержаться он не смог.

Бет пожала плечами.

– Либо мы меняем климат, либо он меняет нас.

– Хорошенькие дела! – сказал Терри. – Вы же помните, что это предыдущие поколения ретерраформировали Землю. А нам достанется целая новая планета.

Мимо проползла тележка: в создаваемой слабым вращением гравитации плавающие подносы использовать не получалось. Вокруг тележки, нагруженной экзотическими фруктами, тут же сгрудились те, кому еще веками не суждено будет попробовать ничего подобного. Фред, а следом Терри бесцеремонно ввинтились в толпу, стремясь урвать и себе кусочек.

– Милый, – ласково позвала Бет, – отойдем?

Клифф посмотрел поверх голов толпы. Какой-то земной бюрократ с трудом удерживал рвущуюся с поводка собаку, формами напоминавшую утыканный шерстью тортик. Собака

норовила заглотать чью-то блевотину. Трое спутников бюрократа ржали, глядя на это зрелище. Большинство участников вечеринки, сколь мог Клифф судить, отрывались куда мощней его самого.

Плевать.

Уж почти наверняка их он видит в последний раз – техников, соорудивших «Искательницу солнц», бесчисленных бюрократов, делавших вид, что причастны к проекту чем-то дельным, психологов, инженеров, испытателей, дублеров, которым не повезет открыть глаза под светом чужого солнца. Он скорчил гримасу и переждал это неприятное мгновение. Оно прошло. Все такие моменты проходят. По крайней мере большинство.

– Сердце мое полно, а стакан пуст.

Она сочувственно кивнула.

– На «Искательнице» будет не до пирушек.

– Ну да, в полете... капитан Редвинг нас по головке не погладит.

– Он не из таких. Он нас скорее через ускоритель вышвырнет.

Глаза ее смеялись. Ну же, говорили они, празднуй, пока можешь. Глядя в них, он чувствовал, как отступают сомнения, страх и... эмоции, которым вовсе не было имен.

Хорошо, пусть так.

Они стояли, сплетя руки на запястьях друг друга, и смотрели, как медленно, в молчаливом величии вертится Земля. На краю поля зрения проплывала «Искательница солнц», подобная худощавой голодной акуле.

Действительно, чем не акула, готовая ринуться в океан ночи? Вон пасть корабля – магнитная воронка, только и ожидающая запуска, когда «Искательница» разинет ее на полную и начнет медленное смещение на окраину Солнечной системы. Первый могучий зев, однако, приведет акулу в окрестности центрального светила, где она поживится солнечным ветром – топливом для затравки. За пастью рубиново сиял перехвативший тушу обруч рубки управления, где продолжали суетиться техники. Клифф следил и за другими крохотными фигурками в скафандрах, сновавшими по всей длине длинного вращавшегося цилиндра, зажатого между хранилищами НЗ: в этом цилиндре располагались жилые зоны и колыбели криосна. Еще дальше – хлопково-белые, словно изборожденные морщинами с поверхности, напичканные интеллектуальной радиаторы двигательной системы, их цилиндрические вентканалы открываются в камеры сгорания, а оттуда, из этих жирных, перечеркнутых реброкольцами бочек, выдаются сопла выброса. Над этим участком туши нависали, как седельные попоны, кластеры крупных желтых топливных ячеек, призванные питать зверя, когда корабль с ускорением ринется в глубокую тьму и канет в неизвестность. Начиная с этого этапа столетиями будут они фильтровать жидкую ионно-протонную кашу сквозь магнитные щиты, и акула – «Искательница солнц» примется пожирать пищу, для коей создана, – световые годы пространства.

Они уже плавали на этой рыбе в облако Оорта, испытывали двигатели, выявляли и устраняли ошибки, допущенные предшествующими четырнадцатью звездолетами. Запускали экспериментальные системы ИИ, искали, где плохо склепано и наискось застроено, улучшали и прогоняли снова. Каждый корабль первых поколений межзвездного флота сам по себе явился экспериментом. Каждый чему-то учился у своих предшественников. Инженеры и ученые делали свою работу, каждый новый корабль становился все лучше. Направленная убыстренная искусственная эволюция. Теперь они считали, что готовы нырнуть на самую глубину. Глубину пространства и времени. Время это пролетит и унесет с собой всех, кого они знают.

– Какая милашка, правда? – сказал мужской голос позади них.

Это был Карл, долговязый нескладный офицер-технолог. Он обнимал за талию Мей Лин.² Выглядел Карл несколько непривычно для себя: глаза его туманились, лицо покраснело.

² Вероятно, здесь авторская шутка-аллюзия на цикл о мошкитах, в создании которого принимал участие Ларри Нивен.

Клиффу показалось, что офицер-технолог загасил косячок чего-то слишком крепкого. Мей Лин, напротив, выглядела крайне оживленной, глаза ее сверкали.

– Ага, – сказала Бет, оглядывая ее боковым зрением, – и мы надеемся, что ты ее удовлетворишь.

– Ну дык, – изрек Карл, сделав вид, что не замечает подначки. – Она такая красотка, наша «Искательница».

Мей Лин заломила бровь, кивнула.

– Прощаемся с Землей? Как думаете, что станут о нас тут думать, когда долетим?

– Хотелось бы, – сказала Бет, – установить мировой рекорд долгожительства среди женщин.

Все рассмеялись.

– А тяжело со всеми прощаться, мм? – склонилась в сторону Клиффа Мей Лин. – Ты тут ошиваешься почти весь вечер, сторонишься.

Он с опозданием вспомнил, что проницательность у Мей Лин – сильная черта. Поняла, что его нужно приободрить. Их всех стоит приободрить.

– Гм, да. Я так подумал, что я человек мира. Надо только понять, какого именно мира.

Собравшиеся жалостливо закивали.

Карл с мимолетной усмешкой исполнил свой самоновейший фокус. При низкой гравитации, созданной вращением, ему не составило труда вылить из бутылки темно-красное вино и тут же тремя быстрыми движениями ножа рассечь струю на три порции, упавшие в три подставленных Мей Лин бокала.

– Впечатляет, – признала Бет, и они выпили.

– Есть новости, – заметил Карл. – От Глории идет гравитационное излучение, ну да это все знают. Так вот, там нет сигналов. Один шум.

– И что это нам дает? – спросила Бет.

Клифф читал по ее лицу однозначный вердикт, и был этот вердикт отнюдь не в пользу Карла. Увы, Карл об этом так и не узнает.

– Во-первых – сверхцивилизации на Глории нет.

– Мы уже установили, что там нет электромагнитных сигналов, – уточнила Мей Лин.

– Ну да, – сказал Карл, – однако высокоразвитые инопланетяне могли...

– Это вечеринка, – прервала Бет ласково, – имей же ты совесть.

Принять такой явный сигнал Карл смог. Пожав плечами, он перехватил Мей Лин покрепче и удалился. Было заметно, что Мей Лин тяжело идти.

– Ты стервочка, – одобрил Клифф.

– Мы его много столетий не увидим.

– Мы его увидим на следующей неделе.

– Так говорят. А ты что думаешь насчет гравитационных волн?

Тут жужжание веселой толпы перекрыл возглас вооружившегося микрофоном спикера ученых:

– Эй, ребята, у нас сигнал с Альфы Центавра! Они желают вам хорошенько разогнаться. Кто-то захлопал в ладоши, и жужжание возобновилось.

– Милый жест, – прокомментировала Бет. – Они его четыре года назад должны были послать.

– Думаю, – сказала, подойдя со спины Клиффа, Тананарив Бэйли, – что сигнал прибыл год назад, но огласили его только сейчас.

Клифф и не заметил, как она приблизилась. На Тананарив было больше одежды, чем на многих женщинах вечеринки, что не мешало ей выглядеть поистине великолепно: она казалась живым взрывом оранжево-коричневого пламени на темном фоне открытых лица и рук. С ней был Говард Блэр, о котором Клифф вспомнил, лишь что это энтузиаст защиты животных и в прошлом фанат телоскульптуры.

Бет кивнула.

– Как только улетим, станут накапливаться задержки: переговариваться с нами будут разные поколения. Все равно что вызывать духов. А что ты там говорил про гравитационные волны?

Говард скривил губы, нашаривая мысль.

– Ага. Смотри, «Искательницу солнц» уже спускали со стапелей, когда LIGO-22 засек эти волны. Мы всю систему облетали в тренировках, пока они тщились подтвердить открытие. Старались что-то выявить в этом сигнале. И не смогли. Это даже не сигнал как таковой, просто шум. Помехи. Мы летим на Глорию, потому что там имеется биосфера. Я тут пересекся с одним астрономом, он меня уверял, что волны могли возникнуть в результате наложения случайных факторов. Возможно, где-то на другом конце Галактики друг вокруг друга обращается сладкая парочка черных дыр, а Глория просто проецируется на них, если смотреть отсюда.

– Я тоже так думаю, – сказал знакомый голос.

Они обернулись. Фред вернулся. Был он теперь краснонос и выглядел куда менее опрятно.

– Нам не удалось получить хорошее разрешение источника. Глория в самом уголке клочка небес шириной едва в градус. Гравиволны могли прийти откуда угодно, даже из другой галактики.

Бет заговорщицки покосилась на Клиффа и, делано выпучив глаза, ответила:

– Эй, бро, я вообще-то биолог.

Фред был немного интроверт, или, как говорили психологи, «фокусированный».³ Некоторые полагали, что с ним чрезвычайно трудно общаться, но Клифф так не считал: ему доводилось наблюдать, как Фред в свободное время решил ключевую для систем жизнеобеспечения техническую проблему. Все члены экипажа в той или иной степени были учеными-универсалами, но у таких, как Фред, универсальность становилась основной профессией.

Излишне говорить, что во всех этих нюансах Фред совсем не рубил.

Он указал на экран.

– Трудно оторвать взгляд! Вот Мона Лиза среди планет, воплощение красоты и чрезвычайной ценности! Ах!

Бет пробормотала что-то утвердительное и заговорила быстрее:

– Ну да, миров с атмосферными признаками сотни, но краше нет нигде, это правда.

Явилась Ирма Микельсон, конечно без мужа, и дернула точеной головкой на реплику Фреда.

– Это ты о чем? О данных с передового зонда?

– А, не, я...

– Пятый Передовой только что примерился, – сообщила Ирма. – Слишком еще далеко. Ни тебе карт поверхности, ни чего еще. Но. Много облаков. Размытые очертания Мирового океана. Температура атмосферы самое то. Классно, что луч пришел вовремя, нам как раз надо было проверить некоторые данные по атмо.

– Какие? – спросила Бет.

³ Здесь отсылка к роману Вернора Винджа *A Deepness in the Sky* (1999, рус. пер. «Глубина в небе»), где техника контролируемого заражения мозга выделяющим нейротоксин вирусом используется для производства узкоспециализированных гениев – Фокусированных.

– Они говорят, что там нам может понадобиться больше CO₂, – сказал Фред так быстро, что его слова с трудом можно было разобрать. – На Глории парниковым эффектом и не пахнет. Поверхностные температуры как в Канаде. Тропики походят на земные умеренные пояса, вот.

Не успели еще ретерраформировать Землю почти до стадии двадцатого века, подумал Клифф, а тут тебе целый новый мир... Он стряхнул это настроение и вслушался в возбужденный лопот Фреда.

– Когда мы научимся извлекать углерод из воздуха, мы сможем создать климат лучше, чем тот, в котором родились. Может, лучше, чем когда-либо был у людей!

К этому моменту аудитория слушателей Фреда еще уменьшилась. С натянутой усмешкой он оглядел их, словно признавая свое поражение, отвернулся и побрел в толпу, где, вполне предсказуемо, дым стоял коромыслом.

– Сколько тут гневной энергии бурлит, – заметила Бет.

– Эмоциональная баня, – мечтательно промолвил Клифф, кивая в сторону Земли. – Обратная сторона всего этого: наши машины становятся все умнее и начинают требовать взыскания обид. Многосекционный секвенатор ДНК не думает о взносах в пенсионные фонды.

Бет рассмеялась, в глазах ее танцевали искорки.

– Меня тут осаждает канал SSC – требует, чтоб я им указала наилучшую актрису на роль самой себя для байопика.

– Ох, хорошо еще, что мы его не увидим.

Она ткнула пальцем в экран.

– Я тут начинаю думать, как мне жаль, что я в жизни больше не увижу белых кружевных штор, лениво колышущихся на теплом ветерке летнего дня. И всякое такое... Еще не улетели, а уже впадаю в ностальгию.

– А я буду скучать по серфингу.

– На Глории есть океаны. И луна тоже есть, хоть и маленькая. Не исключено, что там будут волны.

– Я не взял с собой доски для серфинга.

Он заметил в Северном Ледовитом океане следы льда и почувствовал облегчение – очередной симптом медленного выздоровления планеты после Века Перегрева. Постепенно нарастал лед и на том месте, откуда сто лет назад откололся колоссальный фрагмент антарктического щита, вызвавший Потоп. Острова Тихого океана, впрочем, еще не поднялись из вод – и, вполне возможно, никогда не поднимутся. Какой уж там серфинг.

Построилась фаланга офицеров в синей форме с золотыми галунами. Большинство этих людей служили в облаке Оорта и не должны были лететь с «Искательницей», но явились сюда на официальные проводы. Меньшая числом офицерская шеренга «Искательницы» вытянулась позади высокой мускулистой фигуры.

Человека заставлял моргать мелькающий на вечеринке свет, но он держался властно и уверенно.

– Капитан Редвинг, – возвестил лейтенант через динамики, – выступит перед экипажем.

Они вытянулись в струнку и обратились в слух. Растяжка, висевшая в этот момент над ними, провозглашала:

НЕ ЗНАЮ, КАК БЫТЬ, ХОЧУ К ЗВЕЗДАМ СВАЛИТЬ!

Редвинг был при полном параде и медалях, слегка разбурманен, но обводил всех пронзительным взглядом. Клифф припомнил, что жена собиралась было улететь вместе с капитаном, но тот дал ей развод. Подробности не всплывали. Редвинг не менял позы, если не считать легких наклонов головы к младшим офицерам. С лица его не сходила приветливая улыбка,

словно капитана радовало услышанное от них. Тем не менее он оставался тем, кем был, – импозантным человеком в униформе.

– Неплохая концовочка, – пробормотал Клифф, пытаясь скрытно пробраться к двери. С экрана на него смотрела Земля. Он задержал на ней взгляд.

– У нас последняя ночь на отдельных квартирах, дорогой, – сказала Бет. – Хочешь со мной?

– О да, мэм.

– Думаю, это в обычае.

– У кого?

– У землян. В субботнюю ночь.

Они проталкивались через толпу, но раз пришедшее настроение не покидало его. Шум, гам, музыка, напитки, курения, быстрые поцелуи, печаль и веселье на лицах... стремительно проносятся мимо, а он старается задержать их, заморозить на моментальном снимке в памяти.

В определенном, мрачном, смысле все они здесь призраки. Все техники и официальные лица, приветливые и раздражительные, страшноватые и сексуальные, вскоре умрут. Останутся позади. В прошлом. Когда он в числе прочей команды проснется на орбите Глории, больше половины присутствующих сейчас в зале уже много веков как не будет на свете.

Хотя средняя продолжительность жизни выросла уже до ста шестидесяти лет, этого окажется недостаточно. Все умрут. Развеются серой пылью.

Его впервые так проняло, так прошибло. Он знал, что так будет, но прежде не прочувствовал.

Величие и торжество эти давно пройдут, а они только проснутся следующей ночью.

Клифф растянул губы в тонкой усмешке.

В последний раз я вижу Землю, подумал он.

Полюбовавшись напоследок на медленно, величественно обращающуюся планету, он вздохнул и последовал за Бет. Ему досаждало предчувствие беды.

Часть первая

Подъем по тревоге

Обладание знанием не убивает ощущений восторга и причастности к тайне. Тайны пребудут вовек.
Анаис Нин

1

Жизнь продолжается.

Он вспоминал эти слова, ставшие его нервической мантрой в мгновения, когда колыбель охватила его мягкими холодными лапами и увлекла в глубины сна.

И он понял, что снова жив.

Он проснулся.

Он восстал из криосна, в первый раз за много десятилетий. Ему было холодно. Так холодно, что в памяти мутилось, но он понимал, что ни один биолог еще не совершал одиссеи, равной его собственному великому приключению. Он отправился к звездам, и звезды воняли удушающим сероводородом⁴; да, и там было холодно, первое прикосновение холода... и... это было всё.

Эта вспышка воспоминаний не сумела отогнать главного ощущения. Невовобразимый, сводящий мышцы холод пронизывал его тело, подобно острой пике. Он не дрожал только потому, что все в нем зачленено. По телу его катился громкий клекот, ощущавшийся не ушами, а скорее костями. Холодно. Он сосредоточился на этой мысли и открыл глаза – продрал слипшиеся веки. Это оказалось непросто. Он покоился в сияющей актинической белизне, глазные яблоки были словно из желатина, но зрачки судорожно сузились на нестерпимом свету. Это, должно быть, реактивационная клиника. Он открыл глаза еще раз. От холода он утратил дар речи. Он с усилием сфокусировал взгляд, ожидая увидеть радостные лица колонистов. Их не обнаружилось. Как и Бет.

Вместо них он узрел обеспокоенные лица Майры и Абдуса Викрамасингх. Пока они хлопотали над ним, застывшая на их лицах тревога наполняла его гневом и растерянностью. Лица уплывали и возвращались, дрейфовали, как облака. Холод начал отступать. Он почувствовал крайнюю усталость. Все кости ныли. После десятков лет сна движения стали работой. Их руки массировали его ноги, по ощущениям – каучуковые протезы. Сердце работало, кровь стучала в ушах. В горло при дыхании прорывалась горечь. Он наконец начал дрожать. Сон спадал с него, как заплесневелые покровы – с распеленатой мумии.

Думай.

В накатившем сером тумане он вспоминал. Викрамасингхи были вполне самодостаточны, заняты одним делом, им собирались доверить три года парной вахты. Майра пилотировала, Абдус исполнял функции дежурного инженера. Их вахта по расписанию стояла гораздо позже его собственной. Сколько промежуточных? Двадцать семь? Он попытался сосчитать. Ему стало больно.

Они растирали его зачленевшие мышцы. Массаж вызвал острую стреляющую боль, и он не сдержал приглушенного крика. Они не обратили внимания. Но теперь, по крайней мере, у

⁴ Сероводород замедляет метаболические механизмы мелких животных, уменьшая скорость клеточного обмена на 90 %. См. подробнее Science 308:518 (2005) и аналогичные работы. Применимость этого метода для создания анабиотического состояния у людей не установлена. Традиционно сероводород считается весьма опасным ядом.

него прояснилось в глазах. Непохоже, что из криосна выводят хоть кого-то еще среди остальных четырехсот тридцати шести пассажиров «Искательницы солнц». Однако сбоя в программе колыбели не произошло, значит, кто-то явился его разбудить. Палуба пустовала. Карбокерамика плиток пола блестела, как новая.

Как ученый он не должен был проснуться до тех самых пор, пока на планете системы 3 Скорпиона, в благодатном мире, которого прежде не видел ни один человек и который все называли Глорией⁵, не развернут всю необходимую инфраструктуру. Похоже, что в полете они провели около восьмидесяти лет. Недостаточно, чтобы достичь Глории. Что-то пошло не так.

Губы Майры шевелились, поблескивали в резком свете, но он оставался глух. Тогда они поработали с его нейронными связями, и – бац! – он обрел слух. По ушам ударил плотный шум. Межзвездный серфинг.

– Все в порядке? В порядке? – тревожно спросила Майра, внимательно рассматривая его. Губы сложились в узкую ниточку. – Как тебя зовут?

Он прокашлялся, отхаркнул. Исторгнув наполнявшую глотку молочную жидкость, он выдал:

– Клифф... Каммаш. Но... почему я? Я же... биолог. А Бет... на холоде?

Они не ответили сразу, но переглянулись.

– Не спеши говорить, – с мимолетной улыбкой мягко ответила Майра.

Что-то определенно не так. Он знал Викрамасингхов по тренировкам, помнил их надежными и дисциплинированными сотрудниками. Никого лучшего в команду разморозки крио-пассажир и выбрать бы не мог.

И они вправду были хороши в своем деле. Они вытащили его кряхтевшее тело из колыбели, поддержали заботливыми руками. Мышцы скрипели. Он встал на корточки, отстегнулся. Поднялся на неверных ногах. Его качало. Каюта плыла. Он сел, отдохнул немного, попытался снова, на сей раз сосредоточившись на шагах. Первый шаг за восемьдесят лет дался ему нелегко, ступни казались кирпичами. Они помогли ему подшаркать к столу. Он снова сел. Минуты ползли. Он слышал, как воздух входит в легкие и вырывается из них. Он весь отдался изучению этого феномена – дыхания как невиданного чуда. В каком-то смысле таким оно и было.

Принесли поесть. Кофе: кофеин, о, прекрасный кофеин. Все молчали. Следующим блюдом – суп. На вкус тот был как живительный нектар, спасительная эссенция. Затем они заговорили с ним. Он жадно хлебал овощное варенье из миски. Наполовину опустошив ее по третьему разу, он наконец сообразил, что речь идет о каком-то астрофизическом наблюдении, которое, по их мнению, нуждалось в его интерпретации.

– Но почему? Майра, астроном у нас ты! – не сдержался он. – Зачем вам я? Каждый пилот – одновременно и астроном.

– Нам требовалась альтернативная точка зрения, – сказала Майра, глядя на него уставшими темными глазами. – Мы не хотели впадать в субъективизм при истолковании результатов наблюдений.

– И мы оживляем капитана, – добавил Абдус.

Он моргнул от неожиданности.

– Редвинга?

– Это крайне важно, – ответил Абдус с непроницаемым выражением. – Он проснется завтра. Так говорит его колыбель.

Клиффа пробила дрожь, но уже не от холода. Воду, пищу, кислород и другие припасы нельзя перерабатывать до бесконечности. Вот зачем им пришлось пойти на полузаморозку:

⁵ *Glory* (англ.) – слава, великолепие; ореол, сияние; но также обыгрывается по сочетанию *go/come to glory* – умереть во славе, пасть смертью (храбрых).

требовалось достичь Глории, сохранив достаточно припасов, чтобы затем восполнить израсходованное.

– Нас уже четверо, – сказал он. – Если будить народ и дальше, мы быстро съедим все запасы. В чем дело?

Викрамасингхи снова переглянулись и опять промолчали.

Как только он смог снова ходить, они отвели его в обзорную рубку. Он снова надолго потерял дар речи. Зрелище было ошеломляющее: знакомое и в то же время нет. «Искательница солнц» отделилась от Земли на сорок световых лет,⁶ и он по-прежнему мог опознать многие из созвездий, на какие любил смотреть ребенком в Бразилии. Знакомые контуры их вырисовывались на ярком фоне меньших огоньков, понатыканных там и сям. В масштабе Галактики световые годы значат мало.

Он немедленно узнал пункт назначения. Не слишком отличная от Солнца звезда – светило Глории. Оно должно было располагаться прямо по курсу, путеводным пятнышком. Оно там и оказалось, успокаивающе яркое, удаленное еще на пять световых лет. Возможно, яркость его несколько увеличилась от скорости «Искательницы солнц»? Нет, эффект этот был пренебрежимо мал. Вероятнее, что ярким оно казалось ему лишь в субъективном восприятии. Ведь этот мир так похож на Землю. Там можно дышать, смотреть, касаться – все, как на Земле. Глорией эту планету назвали из чистой надежды, прежде чем человеческое око даже окинуло ее взглядом. От пикселей и спектров мало проку. В розовой ночи, залитой сиянием ударного фронта «Искательницы», светились и другие звезды. Ионный прямоточник перепыхивал межзвездный газ, состоявший в основном из ионизированного водорода, устремляясь в бескрайнюю ночь, и на пути этом его окружало нескончаемое световое представление, словно корабль был уловлен в радужную сеть, оплетен тонкими полупрозрачными занавесями разных цветов каления. За ними лежала спектрально-сдвинутая Вселенная. Некоторые из сиявших в ней звезд заинтересовали его – очертания созвездий, слагаемых ими, уже успели исказиться. Но с ближним красным солнцем ничто не могло сравниться.

– И что, это проблема? – спросил Клифф.

Абдус кивнул.

– О да, это проблема, но есть и другая, посерьезнее. Мы как могли пытались с ней справиться, но более сложный случай может подождать капитана.

Они вообще хоть о чем-нибудь способны поговорить начистоту?

Он услышал, как с губ его срывается:

– Ладно, так расскажите мне, что не так с этой звездой?

– Мы как раз к этому и ведем. Когда мы заступили на вахту, звезды не было видно. А в том месте, где она должна была находиться, обнаружился неожиданный слабый источник рекомбинации. Странный источник, – Абдус переключил каналы и указал на диффузный плюмаж цвета слоновой кости, вырывающийся из задней части темного объекта.

Клифф нахмурился.

– Каковы размеры этой штуки?

– Приблизительно три астрономические единицы, – ответил Абдус. – В сигнатуре виден рекомбинантный водород – после ионизации. Эта вот линия – скорее всего, струя выброса. Охлаждаясь, составляющий ее ионизированный газ превращается обратно в атомы. По этой эмиссии мне удалось приблизительно закартировать контуры объекта. Видите?

– Гм. – Клифф наморщил нос, пытаясь мыслить как астроном. – А не могла ли эта струя оказаться звездным протуберанцем? Не пришло ли вам в голову такое объяснение?

⁶ Следовательно, скорость корабля должна была составить примерно 0,5 с, что расходится с позднее приводимыми оценками. Кроме того, для ионного прямоточного двигателя такая скорость вообще недостижима.

Абдус сжал губы, но в остальном не выказал никаких эмоций.

– Начнем с того, что мы этой звезды даже не видели.

Вот черт, подумал Клифф и почел за лучшее заткнуться.

– Нам было тогда что измерять. Струя не привлекла нашего внимания, показалась незначимой. Но теперь мы поняли, что она может иметь отношение к звезде. К неожиданно возникшей на экранах звезде.

Клифф кивнул, улыбнулся, стараясь не раздражать Абдуса.

– Я все прекрасно понимаю. Наши проблемы имеют внутрикорабельное происхождение, а не внешнее. Итак... звезда появилась в поле обзора, поскольку перевалила через обод этого... объекта.

– И нас это встревожило, – прошептала Майра.

– А что, звезды до тех пор никто не видел? На ранних вахтах?

– Никто не видел звезды, – ответил, медленно моргая, Абдус.

Клифф пожал плечами. В умеренном увеличении карликовое светило казалось диском, значит, оно довольно недалеко. Притулилось на краю арки света от более яркой звезды, как прыщ, вскочивший на изгибе губы. Обычная звезда. Маленькая, красноватая. Он позволил себе вздуть бровь и посмотрел на Майру.

– Спектральный класс F9⁷, – услужливо подсказала та. – Плазменный плюмаж, скорее всего, свидетельствует о недавней активности светила. У молодых звезд это обычное дело. – В еще большем увеличении Клифф заметил вокруг звезды тонкую туманность выброшенной плазмы.

– Мы не знаем, молода ли звезда, – сказал он.

– Нет, но звезды этого класса обычно живут очень долго.

Клифф никогда не был особо сведущ в судьбах звезд-неудачниц после извержения и сброса вещества. Впечатляющее зрелище, ну да, такие хорошо спонсорам показывать. Биологам же требуется стабильность. Все же он незамедлительно сообразил, что вуаль эта осталась от более раннего периода жизни звезды, когда та сбрасывала горячие газовые оболочки. Неплохая догадка, но это и не его область. Детали звездной эволюции никогда его не интересовали – слишком мало общего у них было с его предметной областью, эволюцией высших форм жизни на планетах земного типа. Вплоть до колонизации системы Альфы Центавра область эта оставалась сугубо теоретической. Затем там была обнаружена несложная, но странная экология. Открытие это в конечном счете привело его в полет на Глорию. Бет проходила по разряду неожиданных бонусов.

Он только пожал плечами.

– Ну да, газовое облачко рядом с маленькой звездой. Чего ради меня будить-то?

– Вы среди нас ученый наивысшего ранга, – сказал Абдус.

– И ваша специальность может нам очень пригодиться, – добавила Майра.

Эта ремарка его просто взбесила. Он оголодал, устал и был крайне разочарован. В горле пекло, горчило и першило.

Набрав побольше воздуха, он зарычал:

– Мне вообще-то положено исследовать глорианскую биологию, а не отвечать на вопросы вахтенных!

Те настороженно переглянулись.

Он задумался, а не переборщил ли, обрушив на них кое-что покруче обычной раздражительности, сопровождавшей пробуждение. Криосон был сравнительно безопасной технологией, но выход из него – отнюдь. Каждый член экипажа или пассажир знал, что при разморозке от принудительной гибернации риск повреждения нервной системы составлял два процента

⁷ Здесь явная ошибка: этот спектральный класс соответствует желтым карликам. По смыслу должно стоять K9.

и уменьшить его, несмотря на все старания, не удавалось. Неустрашимая цена за полет к звездам. Пробудив его раньше срока, они, по существу, удвоили для него эту цифру. Он собирался залечь обратно в холодильник, как только сделает, что от него хотят. Заступая на должность старшего офицера по науке, он, конечно, сознавал, что делает, принимая риск многократных оживлений, но ведь тогда эта возможность выглядела сугубо теоретической.

К тому же немедленное возвращение в гибернатор было невозможно. Медики бы этого не позволили: слишком велик риск. Значит, он по крайней мере на месяц застрянет в унылых узких коридорах корабля, наполненных неустанным рыкающим клекотом, и обречен питаться безвкусной гидропонной синтетикой. Скрыться от звука, с которым ионоточник рассекал межзвездный газ, было негде. Фильтры не помогали: стереть вечно изменчивые тона турбулентного полета через сгущения и разрежения, серфинга на гребнях волн ионизации, они не могли. «Искательница солнц» подсвечивала свое окружение, став непрестанно движущимся электро-разрядом.

Вообще говоря, он не планировал просыпаться, так что чувствительность к шуму его не волновала. Но теперь рыкающе-лязгающий низкий клекот его сильно раздражал. Средств приглушить его, кроме наушников с активным шумоподавлением, не имелось. Он искренне полагал, что пробудится для активной деятельности в уже оживленной команде.

Викрамасингхи снова переглянулись, словно говоря друг другу: Полегче с ним, он же старший офицер. Оба глубоко вдохнули.

– Пожалуйста, простите нам нежелание сразу раскрывать вам причину этой аномалии, – сказал Абдус. – Мы хотели бы, чтоб вы прочувствовали ее так же, как и мы.

– М-м, да.

Гнев еще не улегся, но он приказал себе сдерживаться, как подобает офицеру.

– Заметьте, что контур струи – плазменного плюмажа – очень правильный, – сказала Майра.

Клифф увеличил картинку и моргнул от удивления. Он ожидал увидеть диффузное облако разлетающегося космического мусора, снесенного вместе с внешними слоями звезды.

Струя утыкалась точно в звезду впереди.

– Это по меньшей мере красиво! Но почему контур так резок?

– Нас это тоже озадачило, – осторожно начал Абдус, – и экспертные астрономические системы не смогли дать объяснения. Однако нам пришла мысль снять инфракрасный спектр.

– Плюмажа? А зачем...

Майра вместо ответа переключилась в ближний ИК-диапазон. Он замолчал и разинул рот.

По небу раскинулся оранжевый круг. Точно из центра какой-то непостижимой структуры исходила выхлопная струя, подобная торчащей в мишени стреле.

– Эта плазменная струя, по всей вероятности, исходит из центра видимого нам в инфракрасном спектре обширного участка. Она состоит преимущественно из водорода, ионы которого в конце концов соединяются с электронами, – сказал Абдус тоном профессора, наставляющего студента-первокурсника. – Так мы и заметили линию рекомбинантного водорода в охлаждающейся струе.

– И она привлекла наше внимание к обширной области низкоинтенсивной инфракрасной эмиссии, – добавила Майра.

– Эй, я биолог!

– Мы пробудили вас, поскольку инфракрасный спектр этого круга не оставил сомнений. Это не газ, а твердое тело.

Его раздражительность как рукой сняло. Даже биолог понимал, что это значит.

– Я... э... – выговорил он. – Невозможно!

– Впервые увидев объект, – мягко сказала Майра, – я также сочла его газообразным. Но спектр доказывает противоположное.

Он взгляделся в спектральные линии, пытаясь осознать последствия.

– Это диск?.. Какой же он здоровенный!

– Да, – согласилась Майра.

– Но это не может быть планета. Она была бы крупнее любой звезды.

Абдус кивнул.

– Мы приближаемся к объекту сзади и на текущей скорости достигнем его через несколько недель. Это... оно в трех сотнях астрономических единиц от нас. – По лицу его скользнула быстрая, точно виноватая, усмешка. – Исходя из такой оценки, мы могли бы приглядеться к нему внимательней.

– И потому разморозили вас, – сказала Майра.

Он сморгнул.

– Он что, искусственный?

– Вероятно, да, – сказала Майра.

– Но как?!!

– Мы лишь недавно заметили этот объект, а до этого двигались примерно параллельными с ним траекториями. Он привлек наше внимание, поскольку эта звезда внезапно появилась в поле обзора. А до того мы ее не видели. Она была прикрыта этим... колпаком... что бы это ни было, оно закрывало от нас ее свет.

Абдус услужливо добавил:

– Инфракрасный спектр показывает, что, строго говоря, это не диск. Он закругляется. Мы наблюдаем его сзади. Плазменная струя выходит через отверстие точно в центре нижней кромки. Объект излучает с температурой тепловатой воды.

– Это... сфера? – медленно вымолвил он, когда изображение возникло перед ним в перспективе.

Перед ним был шар с дыркой в нижней части. Сквозь нее сверкала звезда.

Воображение его ухватило за старую идею.

– Может быть, это, ну как там его...

– Сфера Дайсона? – подсказала Майра. – Мы сперва тоже так подумали.

– Значит, оно полое?

– Скорее всего, это недостроенная сфера, – кивнула она. – Полусфера. Может быть. Правда, в старинных текстах четко сказано, что Дайсон и не мечтал о создании твердотельной сферы. Он склонялся к концепции сферической зоны, заполненной орбитальными хабитатами, их должно было хватить для поглощения всей излучательной энергии светила.

Абдус вызвал на экран соответствующий документ. Ну что ж, они славно поработали, прежде чем будить его. Но если это не сфера Дайсона, что же...

Майра продолжала:

– Мы наблюдали за объектом, тщательно анализируя доплер-сдвиги. Этот полусферический колпачок вращается вокруг оси плюмажа.

– Лишь такое вращение, – пояснил Абдус, – способно придать оболочке устойчивость, в противном случае притяжение звезды разорвало бы ее.

– Совсем как корабль. – Он кивал, раздумывая над идеей Абдуса. – Центробежная гравитация. Но твердая замкнутая сфера не могла бы вращаться подобным образом, не так ли? Гравитация разорвала бы ее на полюсах.

Мужчины кивнули друг другу.

– Тем не менее конфигурация неустойчива, – сказал Абдус.

Остальные посмотрели на него, ожидая пояснений, и он продолжал думать вслух:

– Сферическая оболочка должна бы провалиться в звезду, она же не вращается. Значит, там следовало устроить подпорки, поиграть с балансом напряжений. Странная конструкция. Простого вращения недостаточно, напряжения зависят от кривизны поверхности. Им понадобились системы коррекции.

– Так думаю и я, – сказала Майра. – У меня первая степень по астрофизике, есть кое-какие идеи насчет этого объекта, но...

Она покачала головой, передернула плечами.

По мере развития событий выяснилось, что сдержанность Майры очень полезна. На следующий день, вынужденный перекусывать раз пять, чтоб поддержать себя в форме, он столько же узнал о скрытой подоплеке деликатности Викрамасингхов, сколько о странном объекте, ими обнаруженном. Они были почтительны, идеи свои излагали медленно, доходчиво, позволяя ему самостоятельно сформулировать выводы. Это ему очень помогало, ведь масштаб последствий открытия только укрупнялся.

О 3 Скорпиона он впервые спросил спустя много часов, когда Абдус и Майра уже развернули добытую информацию на стеноэкранах лекционного зала. Планета, куда они направлялись, все еще отстояла на значительное расстояние – и заслуживала своего имени Глория. В системе 3 Скорпиона был обнаружен второй ближайший к Земле (после планеты Альфы Центавра) пригодный для обитания мир. Недолговечный зонд получил данные по биосигнатурам, подтвердившие результаты более ранних – за два поколения до запуска «Искательницы солнц» – наблюдений телескопов глубокого космоса. Планета была чудесна. Несомненные линии озона, много воды, восхитительные намеки на хлорофилловую зелень. Не мир, а мечта. И никаких признаков электромагнитной активности за все десятилетия, что большие уши радиотелескопов прослушивали эту планету. Правда, оставалась еще загадка гравитационных волн – в системе не обнаружилось никаких столь массивных объектов, чтобы списать на них квадрупольные компоненты излучения.

Он смотрел на нее в сильном увеличении с нацеленных вперед телескопов, но даже так система 3 Скорпиона дрожала и расплывалась в возмущениях от ударной волны. А если б этого было недостаточно, ее почти закрывал край колоссальной структуры прямо по курсу. Еще много световых лет полета. Он оглядел экраны, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли. Что все это значит? Его переполняли эмоции. Давно уже не испытывал он такого ощущения чуда.

Невообразимо. Объект был шире орбиты Меркурия,⁸ просторнее всего, с чем стоило сравнивать. Эта полусфера – настоящий артефакт, первое несомненное творение иномирского интеллекта, найденное в Галактике. Не какой-нибудь слабый писк в радиоспектре, а... грохот.

Он перевел дыхание, немного расслабился в кресле, откинулся затылком на подголовник, позволил длинноволновому клетоту корабля вползти в плоть и кости. Он размышлял. Викрамасингхи сочли, что объект может иметь отношение к биологии. И разбудили биолога!

Клифф поморщился. Он все еще немного злился на них, но Викрамасингхи, несомненно, поступили верно. Не можешь чего-то сделать сам – найди помощника. Это он не готов. Впрочем, какая разница? Ученые дискутировали о возможности существования внеземного разума веками, а зонды посещали один пустынный мир за другим. Телескопы двадцать первого века отыскивали теплые каменистые планеты, немного похожие на Землю, иногда даже с линиями озона в спектрах, намекавшими на присутствие кислородной атмосферы. И на этом все завершалось: то тут, то там в глубоких пещерах плодится плесень или в океанских глубинах – простейшие формы водной жизни. Не более. Клеточные колонии, неспособные оформиться

⁸ По смыслу должно стоять *Марса*, поскольку большая полуось орбиты Марса (1,5 а. е.) как раз где-то вдвое меньше диаметра Чашы.

в сложные биоструктуры. Эту стадию Земля миновала миллиард лет назад. Да, конечно, там существовала жизнь. Но как скучна она была!

А теперь, столкнувшись с настолько грандиозным артефактом, он чувствовал, что рас-судок его несколько мутится.

Абдус заметил почти скучающим тоном:

– Кое о чем я забыл вас известить. Собственно, по этой причине мы и рискнули пробудить вас, посчитав, что протоколы того требуют. Из окрестностей звезды исходит узкополосное микроволновое излучение.

Клифф подумал, что этого стоило ожидать.

– Кодовый сигнал?

– Да. Вероятно, его посылают откуда-то из окрестностей дыры, ведущей к центру объекта. Угол раскрытия соответствует. Мы уловили мешанину отраженных сигналов.

– Они пытаются выйти на связь?

– Мы не можем утверждать этого, – сказала Майра. – Передач очень много, мы имеем дело не с каким-то одним слитным сообщением. Похоже на... переговоры.

– Значит, они еще не заметили нас.

– Да. Мы принимаем сигналы только потому, что летим сейчас в пределах видимости самой дыры. Возможно, они исходят из внутренностей полусферы и проникают наружу. В строгом смысле слова это не широкоэвещательная передача с целью засечь пришельцев. Так мы думаем. И нам она непонятна. По крайней мере, нам двоим.

Клифф обвел их взглядом и осторожно ответил:

– Действительно, протоколы требовали разморозить меня, но... такого никто и представить не мог в пору их разработки.

Он был жив уже день, но его по-прежнему мутило и морозило. Он потер руки, разгоняя кровь.

– А не поторопились ли вы разбудить меня? Пока ведь нет признаков наличия там растительной и животной жизни. Если оживить слишком многих...

– Да, – сказал Абдус.

– Скоро припасы истощатся.

– Припасы, – сказала Майра, – уже истощаются. Это отдельная проблема. Мы сочли необходимым разбудить капитана.

– Сразу после меня, да? Ибо моя вторая специальность – рационирование и корабельная биология. Не забывайте, однако, что прежде всего я полевой биолог. Но... да, это было правильным решением. А потом пускай капитан разбирается с тем, что на нас свалилось. Хех!

– Но покамест мы счастливы свалить обе проблемы на ваши плечи, – улыбнулся Абдус. В его улыбке не было иронии.

Майра тоже усмехнулась. Так они сидели, глядя друг на друга и чувствуя, как груз трудностей продавливают кажущееся облегчение.

Вскоре стало ясно, почему вахтенные осмелились разбудить Клиффа с капитаном.

Соблазнительная цель: артефакт размером с мириады планет.

Трудность: отклонение «Искательницы солнц» от расчетного поведения. Ионный прямо-точный двигатель обеспечивал скорость 0,081 с, а не 0,095 с, как сулили разработчики.⁹

Не слишком большое отклонение, но критичное для полета меж звезд. На скорости 0,081 с путешествие заняло бы пятьсот пятьдесят лет. Запасы были рассчитаны на пятьсот лет с небольшим.

⁹ Из ранее сказанного можно вывести значение 0,5 с, однако оно противоречит общему смыслу книги. Кроме того, ионный прямоточный двигатель даже теоретически не может развивать такую высокую скорость.

В раннюю эру космической экспансии все путешествия были таковы: с минимальным допуском на безопасность. Чудо еще, что из семи полетов на Луну целых шесть оказались успешны. Потом на четверть века – откат к примитивным челнокам, пока не удалось построить что-то получше. Два челнока взорвались.

Межпланетные путешествия по-прежнему были довольно экстремальным развлечением. А межзвездные – почти гибельным.

И все же кто-то должен был в них отправляться.

Разумеется, «Искательница солнц» перерабатывала все, что могла. И, разумеется, переработка не могла протекать со стопроцентной эффективностью. Изначальный план предусматривал, что на Глории они найдут все необходимое: планета эта изобиловала свободным кислородом, имела океаны, спектральные линии озона недвусмысленно просматривались даже с земной орбиты. В инфракрасном спектре был виден обширный астероидный пояс системы 3 Скорпиона, по счастью, достаточно удаленный от планеты, и в нем присутствовали ледяные астероиды. Итак, все элементы успеха под рукой: вода, кислород, минералы, из которых можно приготовить удобрения. Не на самой планете, так на летающих вокруг скалах.

Замедление съедало их НЗ.

Он вчитался в сводки. Пять вахт пытались разрешить проблему с ионоточником, не смея будить капитана. Причины установить не удалось. Ясно было, что она инженерная, ну так зачем ворошить командную структуру? Полет занимал века.

Магнитосиловые щиты «Искательницы» разрезали ударными фронтами межзвездный водород, ионизировали его на колоссальных энергиях, собирали ионы, смешивали с катализаторами ядерного горения и разжигали пламя ярче тысячи солнц. Но так выходило, что ядерная топка разогрета недостаточно. Не так хорошо, как разогревалась в пробных полетах по облаку Оорта. Учítывая, что релятивистская космотехника еще пеленки пачкала, удивляться этому не приходилось. Последствия были весомы.

– Мы не успеваем на Глорию, – подытожил он.

Викрамасингхи кивали.

– Итак... – начала Майра и умолкла, позволяя ему высказаться.

– Ну и сократили рационы до минимума, – вмешался Абдус, чьи глаза лихорадочно расширились. – На пяти вахтах. И только мы приняли тяжелое решение разбудить вас с капитаном.

Клифф отхлебнул еще немного кофе. Напиток богов. Коли так, значит, он продолжает возвращаться к жизни.

– Расчеты у вас уже есть. Можно ли все-таки втиснуться в...

– На тоненького, – отрезала Майра. – Последние пять вахт дежурило минимальное число членов экипажа: двое. Гидропоника на максимуме. Мы опасаемся, что ее не хватит.

– Черт! – Клифф бессильно скривился. Им угрожала голодная смерть в межзвездной пустоте. – Теперь ясно, почему никто не будил капитана. Лишний желудок, лишняя пара легких. Пока...

Пока прямо по курсу не появилось что-то очень странное.

Он отдавал себе отчет в подспудных причинах. Что может сделать капитан? Если инженеры не нашли ответа, вмешательство управленцев едва ли станет подспорьем. Инженеры следовали заученным протоколам. Выполняли приказы и надеялись на лучшее. Особенно если учесть, что малейшая оплошность повлекла бы за собой всеобщую гибель на релятивистской скорости.

Они сидели тихо и спокойно, терпеливо, выжидательно смотрели на него. Идеальные вахтенные. Он таким не был. Он слишком впечатлителен, слишком возбудим, слишком легко заводится. Так говорили психологи, но Клифф считал, что это хорошо. Ему была интересна

Глория, а не межзвездная чернота. В полете пригодятся иные психотипы, спокойные, уравновешенные. Будь это не так, сито отбора отсеяло бы их еще на первом этапе.

Викрамасингхи ожидали его приказов. До пробуждения капитана кораблем командует Клифф. Он ни хрена не смыслит в происходящем? Ну и что, он же старший по званию, ему и решать.

Прежде всего надо отдохнуть, решил он. В этом отношении процедуры реактивации были так же строги, что и протоколы миссии. По крайней мере, он успеет немного подумать.

Двенадцать часов спустя они обнаружили его на камбузе. Первым делом он приказал предоставить ему исчерпывающие данные по звезде, которую они нагоняли. Викрамасингхи повиновались, на экраны хлынул поток цифр и картинок. В их числе – беспокойный лик звезды массой около девяти десятых солнечной. В Галактике их полным-полно, однако эта вела себя не так, как подобало бы благонаправному оранжевому карлику-долгожителю. От центра звездного диска тянулись пылающие шупальца.

– Изображение искажается излучением плазменной струи, – отметил Абдус.

Сощурившись, он рассматривал картинку. Сперва он не понял, что означают крутящиеся лезвия света, исходившие из единственного раскаленного пятна – бело-голубой печки.

– А! Это вот пятно расположено как раз под центром искусственной... чаши.

Абдус кивнул.

– Что-то возбуждает активность звезды. Заставляет ее выбрасывать эти гигантские пламенные языки. Я бы сказал, что она крайне опасна.

Они стремительно приближались к системе.

Клифф просматривал данные: диск с очевидностью искусственного происхождения... диск? ладно, назовем его чашей, поскольку несомненно, что за пределами поля обзора объект искривляется, закругляется. Сколько там до него? Несколько сотен астрономических единиц, расстояний от Земли до Солнца. Неустанные тренировки, обязательные для любого члена экипажа, приучили их все мерить этой колоссальной единицей. Он попытался вспомнить, как это было. Много веков назад. В субъективном восприятии – словно бы несколько недель тому.

Он смотрел на экран, воображая себе колоссальную полусферу, в полость которой заключена звезда.

Огненные протуберанцы разрастались. Еще немного поигравшись с настройками, они вышли прямо на бело-голубое пятно на поверхности звезды. Свет его был яростный, активный, пятно плевалось гневными бурями огня, как маленькое белое солнце, сердитым домовым обосновавшееся в обители более крупной розовато-красной звезды.

Над ним, как борющиеся змеи, вздымались филигранно-изящные копьепотоки плазмы, закрученные друг около друга в нижней раскаленной, близкой к пятну части. Казалось, что внутренность полусферической чаши вылизывают пламенные языки, но, не достигая поверхности, они опадали и утягивались в дыру изящной тонкой струей выхлопа. Клифф видел маленькие комки огня и яркие искровые сполохи, отлетающие прочь от звезды, роящиеся вокруг струи, что уносилась через идеально круглое отверстие в доньшке чаши наружу, в космос, и мужественно продирался сквозь груды изображений.

– Давайте-ка более ранние картинки, с последней вахты.

«Искательница солнц» записывала изображения небосвода. Полуразумное программное обеспечение корабля умело выдвигать собственные, хотя и ограниченные, гипотезы насчет природы каждого замеченного им яркого объекта. Безмолвные разумы в машине неслышно переговаривались друг с другом, силясь постичь природу Чаши, бесконечно странствуя по пространству параметров в поисках плодотворных взаимосвязей.

В инфракрасном спектре доньшко структуры окутывала мгла. Имевшееся на корабле оборудование бессильно было проникнуть сквозь нее с такого расстояния – до Чаши остава-

лись еще годы, – хотя корабль приближался именно сзади. Чаша перекрывала небольшой клочок небосклона, однако с дистанции световых лет эту крохотулю никто не заметил.

Инфракрасное излучение Чаши имело температуру около двадцати градусов по Цельсию. Комнатную температуру.

– Как она прекрасна! – воскликнул Абдус.

По всей кривизне преобладали тропические условия. Тыльная сторона была холоднее и казалась скалистой, но на освещенной – температура двадцать градусов! Звезда уступала в яркости Солнцу, но, разумеется, Чаша все время купалась в ее свете, и там стояла теплынь. Никакой ночи.

В мозгу Клиффа наконец стали вырисовываться приблизительные контуры колоссальной структуры, хотя здравый смысл продолжал жалобно стонать. Когда сталкиваешься с чем-то настолько невообразимым, лучше всего приступить к его количественному изучению, а с осмыслением подождать... пока не проснется капитан, ага.

Геометрия Чаши сама по себе шокировала его. Майра выдала ему данные по расстояниям и углам, и он быстро рассчитал, что площадь части кромки, обращенной внутрь, в двести миллионов раз превосходит площадь Земли. Даже возносящийся над звездой ободок Чаши предоставлял огромное жизненное пространство. Биологу стоило бы дожидаться мнения капитана, но... Воздух, вода, припасы для заглочившего корабля. Он высказал эту мысль вслух. Викрамасингхи закивали и заулыбались.

И хотя через дыру в доннышке была видна лишь малая доля внутренней поверхности, Абдус засек по оптическим спектрам присутствие воды. Затем, приложив несколько большие усилия для отсева эффектов тянущейся за «Искательницей солнц» плазменной ряби, он обнаружил и кислород.

Итак, перед ними колоссальная территория, созданная для жизни.

Для чьей жизни?

Клифф проверил расстояние до Чаши. Триста двадцать астрономических единиц, около сотой светового года. Как близко! И оно быстро сокращалось.

Но они по-прежнему наблюдали структуру с тыльной стороны, из мрака.

Он смотрел на лица Викрамасингхов и размышлял. Простые и жестокие астрономические факты. Скорости, времена полета, рационы пищи.

Викрамасингхи, закончив докладывать, испытующе глядели на него в ответ.

– Я не вправе... – начал он и заметил проступившее на их лицах разочарование. Впрочем, они как могли пытались его замаскировать.

– Но ведь можно же узнать больше... – нерешительно вставила Майра.

– Не с такого расстояния, – сказал Абдус. – И я сомневаюсь, что капитан позволит полететь к объекту ближе.

Клифф глядел на них, и мысли его были сумрачны. Пять смен не отважились разбудить капитана, поскольку не нашли ответа. Их натаскивали сохранять существующее положение вещей. Но сейчас они столкнулись с чем-то совершенно непредусмотренным. Непредставимым на Земле.

– Полагаю, у нас сейчас две проблемы, – сказал Клифф, стараясь выдерживать дипломатичный тон. – Во-первых, у нас истощаются запасы. Во-вторых, этот... странный объект. Слишком много всего на нас свалилось. Мы сами не сдюжим.

– Мы пришли к тому же выводу, – осторожно произнес Абдус.

– Смотрите-ка, – оживилась Майра, – а капитана уже скоро надо приводить в сознание.

– Я хочу, чтобы разбудили Бет Марбл.

Вахтенные моргнули.

– Она...

– Она нам нужна.

Он видел, что впереди полная задница, и не хотел застрять там в одиночестве. А кто бы хотел?

– Но протоколы не требуют...

Клифф поднял руку и обвел взглядом стол, давая им время на размышление.

– Просто сделайте, как я говорю.

– Она вам... не жена.

– Нет. Она умеет управлять кораблем. Пригодится как пилот.

– Давайте сначала спросим капитана, – сказал Абдус, дружелюбно глядя на него.

2

Когда капитан вышел из криосна – окоченевший, со слезящимися от света глазами, все еще прикованный к своему ложу, – они поведали ему о случившемся. С каждой следующей фразой глаза Редвинга моргали все чаще, выдавая тревогу.

– Вы нам не поверите, – было первое, что сказал Абдус.

Морщинки вокруг глаз капитана искривились от скептической ухмылки.

– А вы попробуйте.

Они ему рассказали, не переставая растирать стылые мышцы и вводить необходимые физиологические растворы.

Клифф отошел в сторонку и дожидался, пока Викрамасингхи выполнят свою работу.

Редвинг сел на ложе, потряс черной шевелюрой, напряг руки так, что вены заголубели на бронзовых запястьях, и бросил:

– Это точно?

Они выложили ему подробности. Показали снимки, временные отсечки, наконец, картинки с нацеленных на Чашу телескопов. Капитан смотрел на объект. Клифф так и видел, как в мозгу Редвинга эта информация укладывается в один ряд с данными о недостатке припасов.

– Двигатель глючил, и пять вахт ничего не сделали! – обвиняюще затыкал он пальцем в Викрамасингхов. – И вы тоже?

– Мы не знали, как поступить, – урезонивающе сказала Майра. – Они...

– Мы в этом режиме летим уже сколько? Десятки лет!

Абдус подался вперед с напряженным лицом, словно становясь на ее защиту.

– В протоколах такое не прописано.

– К ебням все протоколы! Я...

– Лептонный двигатель – это одна проблема, капитан, – встрял Клифф, – а вот та штука впереди – совсем...

– Вы ученый, – прервал его Редвинг, бешено хряснув ладонью по ложу, – а они – экипаж!

Клифф сел за стол, пригубил кофе и припомнил, какие о капитане ходили слухи перед стартом. Что Редвинг из очень богатой семьи, сколотившей капитал на казино в индейских резервациях. Что он пронесся через Массачусетский технологический как ракета, собрав внушительный урожай медалей и дипломов, но нажив себе кучу врагов. Что он сделал себе имя на Марсе, в пору исследования и колонизации планеты. Что он настоящий сукин сын, но, черт же побери, лучший сукин сын в своем деле. Не самая скверная рекомендация, а? Клифф склонился к мысли подчиняться его приказам.

– Мы не можем лететь так и дальше, – неизменно вежливо отвечала Майра. – Системы экстракорабельной диагностики работают нормально, и мы уверены, что причина не в свойствах межзвездного газа. Проблема в нашем двигателе. Мы исследовали полевую структуру ионоточника с помощью микроволнового...

– Мы сядем и вместе пересмотрим, – резко сказал Редвинг и закусил губу. – Подумать только. Прежние вахтенные... Джейкобс, Чэнь, Амбертсон, Абар, Калиш. Специалисты высшего класса!

Вместе с остальными Редвинг углубился в изматывающе дотошное обследование бортовых систем. Потоки топлива, равновесные параметры, индикаторы неисправностей. Часы бежали, но капитан оставался в такой же неопределенности, что и системы автодиагностики корабля, а эти последние были куда лучшими инженерами, чем люди. Все вроде бы работало исправно, и тем не менее улучшить скоростные показатели корабль не мог. «Искательница» выдавала полный ход первые несколько десятилетий, поддерживая предельную скорость под натиском встречных частиц на магнитоштиты, уравниваемым тягой от термоядерного сгорания водорода. А следующие несколько десятков световых лет теряла скорость. Сначала едва заметно, затем интенсивнее.

Команда, первой обнаружившая этот эффект, проверяла очевидные объяснения. Возможно, плотность межзвездного газа недостаточна и в зону сгорания не влетает столько водорода, сколько нужно? Эта идея не выдержала количественной проверки. Термоядерный двигатель представлял собой усовершенствованную версию магнитных цилиндроловушек: совокупность вращающихся торов, заполненных плазмой. Протон-борная реакция в кишках корабля отвечала перевариванию картофеля и мяса у человека.¹⁰ Водород был все равно что уголь, который лопатой подбрасывают в печку, чтоб приготовить на огне пищу. Вращающиеся магнитные бутылки заключали в себе плазму, альфа-частицы же вылетали в сопла, создавая тягу. Система уже много веков как вышла на равновесный режим. Все выглядело нормально.

Следующая смена вахтенных предположила, что впереди по курсу слишком много пыли и она тушит термоядерное пламя. Немало потрудившись, они произвели пробоотбор частиц пыли с границ ударного фронта и внимательно проанализировали их. Предположение не подтвердилось.

Идеи и гипотезы высказывались и отбрасывались. Теперь положение выглядело очень серьезным. Стартовала «Искательница» с немалым НЗ, но даже его, очевидно, не хватит.

– Мы уже выели свой большой толстый НЗ, – суммировал Редвинг.

«Искательница» прибудет с опозданием почти на столетие. Если утечки и потери, заложенные в расчеты, не произойдут, они, может, и втиснутся в наличный запас. Никому не хотелось рассчитывать вероятность успеха, потому что все догадывались, какой она окажется.

Они отправились спать с теми же проблемами, и на следующее кораблеутро Клифф проснулся первым. Еще один симптом оживления – иногда после выхода из гибернации бессонница продолжалась неделями. Вместе с нею являлась раздражительность – что странного? Проклятый шум не утихал. Наилучшим решением он счел отмалчиваться. Меж тем ум его корпел над загадкой Чаши, висящей исполинским ситом уже и на смотровых экранах оптического диапазона. От рефракции в плазме картинка рябила, но Клифф выхватывал оттуда чарующие, манящие фрагменты. Мир-чаша, думал он, бросив искать термины получше. Вызывающе искусственный объект. Кому могло понадобиться жить там?

Они собрали совещание, следом другое, такое же безрезультатное. Под конец очередной изматывающей беседы Клифф тихо сказал:

– Я хочу, чтоб оживили Бет. Нам требуется больше мнений по этой проблеме. Мы тут сами в тупик зайдем.

¹⁰ Термоядерная реакция протонов с ядрами бора-11 производит три альфа-частицы с выделением 8,7 МэВ энергии. Однако предельно достижимая скорость звездолета с ионным прямоточным двигателем, работающим на протон-борной реакции, составляет лишь около 0,04 с. Либо в тексте какая-то ошибка, либо скоростные показатели «Искательницы солнц» авторами рассчитаны для протон-протонной, а не протон-борной реакции; в таком случае действительно достижима скорость около 0,1 с.

Редвинг пожевал губу и покачал головой.

– Зубы на полку.

– Это в том случае, если мы намерены и дальше ползти на испортившемся движке и надеяться, что он починится сам собой! – запальчиво выкрикнул Клифф, наконец озвучив их с Абдусом общую точку зрения. Прежде чем Редвинг дал отповедь, Абдус вставил:

– Я обнаружил, что этим утром наша скорость снова немного упала, почти на километр в секунду.

Повисло молчание, которое Редвинг выдержал, тщательно следя за своим лицом. Однако признаки его фрустрации были несомненны. Какие-то мелкие жесты, разбитая чашка, неожиданное уединение или, наоборот, словоохотливость. Психологи Земли высоко отзывались о лидерских качествах Редвинга, а вот Клифф считал его в лучшем случае мастером бюрократической интриги. Сейчас менеджерам придется потесниться.

– Итак, что бы с нами ни творилось, – произнес Редвинг, – положение ухудшается.

Ответов не последовало.

Потом Клифф осторожно протянул:

– Бет прекрасна и как инженер, и как пилот.

Не успели эти слова сорваться с его губ, а он уже осознал, что выдает себя. Майра улыбнулась, но промолчала. Бет прекрасна. И, разумеется, она много лет «ассоциирована» с Клиффом, как предписывала выражаться современная политкорректность.

Редвинг, однако, позволил себе задержать на лице недолгую – несколько секунд – усмешку.

– Хорошо, давайте-ка разогреем девчонку.

Они приступили к оживлению Бет. Протоколы предписывали действовать однозначно, но для каждой ситуации есть варианты. Пока ее расхоложивали, прошло еще два дня – в бесплодных попытках решить проблему замедления. Корабль мчался вперед, рассекая молекулярные облачка и, все чаще, одиночные плазменные метелки.

– Это от той плазменной струи, которую мы наблюдаем, – сказал Абдус. – Скоро станет погорячее.

В скором времени ионоточнику понадобится навигатор, а данных для него пока еще недостаточно. Искусственные интеллекты, неустанно следившие за равновесием полевой структуры, превосходили людей в том, что касалось сбора топлива в магнитные ловушки и корректировок скорости реакции, но компетенция их оставалась навязчиво-узкой. ИИ трудились, как только могли, строили гипотезы и давали оценки, основанные на десятилетиях летного опыта, пытались докопаться до причин, однако сменить пластинку им было не под силу.

– У нас в машинном отсеке одни саванты, – заметила Майра.

Клифф задумался, а шутит ли она.

– Надо принять решение, – настаивал Абдус. – Так или нет?

– Это я должен принять решение, – уточнил Редвинг, сплел пальцы в клетку и уставился в нее. Он осунулся, побледнел, и не только вследствие постигших процедур. Они все очень мало спали.

– Может, это знак свыше? – отозвался Клифф.

Редвинг покосился на него.

– У тебя всегда такое странное чувство юмора...

Они не слишком ладили на общих летучках команды и офицерского состава. Редвинг стремился интегрировать ученых в команду корабля, сделав их частью своей цепочки командования, а Клифф и остальные ему противились. У научного персонала была собственная, не столь жесткая командная структура, и лишь на вершине этой иерархии ученые пересекались с Редвингом. Собственно, из всех бодрствующих офицеров по науке у Клиффа был наивыс-

ший ранг. Разумеется, все эти протокольные детали отработывались десятилетия назад – нет, напомнил он себе, столетия назад, – но в его личной памяти они все еще оставались свежи.

Он попробовал перейти на теплый, доверительно-урезонивающий тон.

– Если бы мы не стали терять скорость, то и этой штуковины бы не заметили. Да мы бы даже вокруг этой звезды – как ее назвать, может, Викрамасингх? С общей честью открытия... – не получили бы шанса облететь.

Все вежливо заулыбались. Надо было немножко сбросить пар. От межзвездного предпринимательства никто на борту и гроша ломаного не наживет...

– Но теперь, замедлившись, мы могли бы позволить себе точечную коррекцию скорости. И присмотреться к этой штуке внимательнее.

Редвинг и Викрамасингхи смотрели на него без всякого выражения.

– Это искусственный объект, – осторожно продолжил Клифф. – Возможно, нам удастся...

– Разжиться помощью? – скептически скривил губы Редвинг. – Согласен, объект весьма странный, но в наши задачи не входит исследование пролетающих мимо объектов и явлений. Мы направляемся на Глорию, не так ли?

Клифф уже два дня обдумывал ответ на этот вопрос. Он протянул вперед руки, словно предлагая побиться об заклад, и свел их.

– Возможно, нам удастся совместить обе задачи.

Лицо Редвинга уже сложилось было в знакомую земную покровительственно-уверенную маску. Затем это выражение сменилось озадаченностью. Словно помимо воли, он спросил:

– Как так?

– Предположим, что у нас получится использовать плазменную струю от звезды. Мы уже влетаем в приструевую область. Плюмаж ведь богат водородом, разве нет? – Он мотнул головой в сторону Абдуса и Майры: – Причем степень ионизации этого водорода куда выше, чем у обыкновенного межзвездного газа, облака которого мы пересекаем все эти десятилетия, накапливая топливо в магнитных воронках и создавая выбросом тягу. Для ионного прямого движения – самое то. Давайте попробуем пришпорить нашу лошадку.

Клифф считал удары сердца: раз, два... Давай же, будь проще.

– Эта струя исходит точно из доньшка объекта. Я предлагаю подняться по ней.

– Абдус, а разве скорость струи не релятивистская? – спросил Редвинг. – Притом в неверном для нас направлении? Она же замедлит корабль.

А что, если Редвинг прав? Майра тоже кивала.

– А вдруг получится? – только и сказал обессиленный Клифф.

– У меня голова раскалывается, – ответил Редвинг, – а тебе все нейдет.

– Если мы и дальше собираемся лететь на имеющихся запасах, на Глорию придут одни мертвецы. Если нам не хватит топлива, мы все равно вынуждены будем остановиться для дозаправки. Так давайте остановимся здесь и сейчас. Выйдем на орбиту Викрамасингх. Установим Контакт с местными.

Они уставились на него, и Клифф разыграл решающую карту.

– Мы обгоняем звезду. С каждым часом сменить курс становится труднее.

Глаза Майры расширились, на миг остекленели – она ведь тоже об этом думала? – и она кивнула.

Редвинга нелегко было переубедить. Он скривил губы, возвел глаза к низкому крапчатому потолку из углеволокон, процедил:

– Приступим к расчетам.

На расчеты ушел целый день.

Пока остальные корпели у экранов и чертыхались, Клифф наблюдал, как оживает Бет: выплывает из тьмы и холода ему на руки. Он отвоевал себе право растирать ее бедные ножки,

массировать кожу лосьонами и мазями, отгонять испуг, мелькавший на ее лице, когда она выныривала из беспамятного сна длиной в десятилетия. Он смотрел, как прекрасное лицо ее оживает, наливается красками, как трепещущим гало раскидываются вокруг головы рыжие волосы. Она скрывала от него неуверенность во всей этой затее (безуспешно), а теперь ее снова обуял страх. Глаза судорожно трепетали в глазницах, по щекам пробежал тик, но вскоре затуманенный взор сфокусировался, она прищурилась, выцепила парящее под керамопластовыми небесами лицо Клиффа, просияла, удивилась, улыбнулась.

– Я... холодно...

– Не говори. Дыши. Все в порядке.

Он лгал.

– Если ты тут... все... так...

Она не послушалась, потянулась к нему, болезненно поморщилась от усилия.

Ему показалось, что на борту восходит солнце.

3

Бет Марбл чувствовала, как жизнь вливается в нее теплой мутной струйкой. Все страхи, задержавшиеся в ней на десятки лет с момента, когда седативное средство охватило сознание и увлекло во мглу, рассеялись при виде Клиффа. Он здесь! Он не изменился. У нас получилось! Мы на Глории!

Несколько минут субъективного времени назад ее обурежала паника. Быть может, это последнее, что я вижу в жизни.

Адреналиновый колокол гремел в ее ушах.

А я-то думала, что готова, я была так в себе уверена...

Она улыбнулась при этом воспоминании о прежней своей личности и старательно отстранила его.

Какая там у нее водилась мантра в универе?

Будь здесь и сейчас.

Клифф заговорил теплым, уверенным голосом:

– ...Все в порядке.

Она прокаркала в ответ:

– Если ты тут... все... так...

Она испытывала восхитительное ощущение, когда его руки касались ее тела. Подчинялась шепоткам приказов. Ляг. Выпей. Расслабься. Вдохни... холодный, пахнущий металлом воздух. По тканям распространялось тепло. Ее тело дергалось, извивалось, кровь разгонялась в жилах, текла с давно позабытой клетками скоростью, органы чувств пробуждались, все нервы пронизывала приятная боль.

Ха, а мне это начинает нравиться.

Затем она услышала ревущий клекот корабля.

Большая часть команды легла в криосон еще до старта «Искательницы солнц», но, будучи пилотом, Бет бодрствовала целый год, пока «Искательница» набирала скорость. Ей было хорошо. Звездолет укрывал ее, как прочный шлем голову древнего рыцаря, хотя сравнение это было тщеславно-пафосным: истинной хозяйкой корабля оставалась не Бет, а электроника, контролировавшая магнитоциты и двигатель каталитического лептонного термоядерного сгорания.

Она узнала эти протяжные гулкие басы и поняла, что корабль в полете.

Она не то чтобы услышала – почувствовала их.

А этот вот мягкий фоновый тенорок – новый звук. Его раньше не было. «Искательница солнц» замедлялась.

Она напрягла слух. Руки Клиффа ласкали ее, возвращали в мир. Но не Глория была этим миром.

Что-то не так.

По сдержанно-непреклонному лицу Редвинга можно было записывать учебные ролики.

Ни одна из выдвинутых на совещании идей ему не пришлась по душе. И никому другому. Но Клифф видел в изгибе губ капитана однозначный ответ: Редвингу не хотелось насиловать корабль, терять годы, надеяться, что лептонный движок удастся починить.

Абдус возился с планшетом. Клифф уже хорошо изучил его лицевую мимику: индеец был собран, уверен в себе, не чужд риска, но к радикально новым идеям относился с почти инстинктивным неприятием. Идеальный набор качеств для вахтенного в пору долгого сна. Тем не менее, словно помимо воли, Абдус проверял выдвинутую Клиффом идею, и предложение это ему явно нравилось. Он уже поучаствовал в великом открытии, но останавливаться на пороге не желал. Как и Клифф. В этом они сходились.

У Клиффа имелось и другое настоятельное желание – выжить. Вместе с Бет. Надо, в конце концов, жениться на ней. Таких долгих ухаживаний еще не знала история.

Клифф был достаточно информирован, чтоб не нарушать воцарившееся в кают-компании молчание. Бет заразилась всеобщим настроением, и ее участливый взгляд только добавлял напряженности: вот сидит, сложа руки, Редвинг, вот Абдус и Майра уткнулись в свои планшеты. Фоновое ворчание двигателей ионоточника служило постоянным напоминанием, что законы Ньютона не ведают жалости. Редвинг глядел в пространство. В конце концов Абдус поднял глаза.

– Да, маневр возможен. Но крайне рискован.

– Что скажешь, Бет? – мягко спросил Редвинг.

– Я уверена, что корабль можно провести с такой точностью, – отвечала девушка. – В пределах допустимого по целеполаганию и скоростям. Потребую, чтобы ИИ командной рубки срезали заусенцы. Маневр займет десять дней. Но мне хотелось бы узнать, что не так с нашими двигателями.

– Мы все хотели бы, – с сожалением проговорил, расцепив руки, Редвинг, – но придется играть теми картами, какие нам сдали.

Как будто порыв свежего ветра пронесся по каюте. Четыре лица повернулись к капитану.

Они разбудили его в надежде на такое решение, но пока что он уклонялся. Теперь же Клифф выкроил секунду поразмыслить о собственной безумной идее.

Жизнь – азартная игра.

Его преследовали предчувствие неприятностей и любопытство, от которого заходило сердце.

Жизнь продолжается.

Редвинг стянул губы в узкую полоску.

– Начинайте.

Бет проверила, соответствуют ли целям маневра альфвеновские показатели¹¹, и с удовлетворением обнаружила, что корабль ее слушается, хотя и с некоторой инерционностью. На разворот курса ушло одиннадцать дней – темное время неопределенности, когда неясно было, насколько точно «Искательница» реагирует на приказы пилота. Магнитные ионосборники стояли от напряжения, но подчинялись. Абдус проверял каждое действие Бет, она из вежливости спорила с ним, однако принимала это как должное.

¹¹ Параметры плазменных колебаний в магнитном поле. Названы в честь шведского физика Ханнеса Альфвена, основоположника магнитогидродинамики, лауреата Нобелевской премии.

Клифф и Бет подолгу просиживали в своей каюте. В постели было тепло и уютно. Она предпочитала имбирные пряники: сейчас, восстанавливаясь после оживления, можно было дать себе послабление. Резковатая имбирная нотка смешивалась со сладостью сахара и шоколадных чипсов, которые она тоже ела, потому что они нравились Клиффу. Запивала их всегда какао – теплой коричневой жижой из кружки, как мама научила. Клифф ничего не пил, кроме крепкого, до горечи, кофе «кона»¹², которым подстегивал себя поутру. Печенек он не любил.

– Что тебе снилось в холодном сне? – спросила она.

Они слизывали крошки с губ друг друга.

Он сонно усмехнулся.

– Они говорят, что я должен был почувствовать легкий укол в левую руку. Так было. Мне показалось, что это забавно, я захотел рассмеяться, но не мог. Даже улыбнулся с трудом. А потом... проснулся.

Бет тоже усмехнулась и допила какао.

– Я думала ответить той же глуповатой шуткой. Знаю я эти ваши... легкие уколы. После них такой приход...

Они засмеялись чуть громче, чем заслуживала эта шуточка. Но им понравилось.

Бет тонким голосом, выделяясь, произнесла:

– Ты зна-а-аешь, глядя на эту хреновину вот под таким углом, начинаю думать, что она смахивает на огромный вок с дыркой в днище.

– Снова про хавчик думаешь? Пошли на камбуз.

В пору работы старые страхи возвращались, а общество Клиффа помогало их глушить. Он был солнцем ее личной системы, стал им в первые же дни совместных тренировок будущего экипажа. За год до того ее родители погибли в авткатастрофе, и событие это отбрасывало тень на ее успех при отборе, по крайней мере в глазах членов комиссии. Им бы хотелось видеть в команде только успешных, с долгой историей равномерного карьерного роста, без всяких там эмоциональных заплетов, которые чреваты срывами спустя много лет.

Потеряв пару центральных фигур своей жизни, она подумывала взять самоотвод, потому что радости не испытывала никакой. Она даже не думала закрутить с Клиффом роман, отгоняя горечь, но так уж получилось – волшебство, да и только. Солнце вышло из тени, затмение окончилось, и это повлияло на все ее действия. Особенно на психотестах и, менее явно, в постепенном возвращении социальных навыков. Позже ей стало известно, что примерно в то самое время, как ей встретился Клифф, ее всерьез подумывали выгнать из лагеря.

– А потом случился Клиффи, – прокомментировала она.

И действительно, явственные перемены спасли ее от вылета. А уже потом начались заметные успехи в электромагнитном пилотировании, дисциплине все еще молодой и плохо изученной. Она стала лучшей в своем деле.

Она попала сюда только благодаря ему. Она дала ему это понять в те долгие часы, когда они занимались любовью – нежно и страстно. Секс и смерть – две стороны одной монеты. Так она всегда считала. Яростное стремление оставить что-то после себя, идущее из подсознания, приглушенные, но различимые приказы эволюции. Их сладкие часы «в рюкзаке» (сравнение ей не нравилось, но в данном случае было уместно: Клифф предпочитал гамак) подтверждали такое предположение. Никогда прежде не испытывала она ничего подобного в своей скорее аскетичной личной жизни. Она опасалась, как бы не выдать себя в столовке: лицо ее неудержимо краснело при первом же воспоминании о себе прежней в сравнении с собой теперешней. Она вышла из тени. Она была счастлива. Она совсем потеряла голову.

¹² Гавайский элитный сорт.

Однажды вечером, после того как она направила корабль по широкой дуге в сторону Чаши, капитан дал экипажу вольную. Они устроили импровизированный мозговой шторм. Майра председательствовала и разводила сцепившихся. Идеи били ключом.

Что там, впереди? Что, черт побери, за варево в этом котле, в этой Чаше? Мыльные пузыри гипотез надувались и лопались. Бет всех веселила. Кто-то запел – предсказуемо пустил петуха, отчего все заржали еще пуще. Капитан перепил всех остальных вместе взятых, и девушка начала понимать, в каком он пребывает напряжении.

Запланированный ими маневр впечатлял. Струя из доньшка Чаши была плотнее любого попадавшегося «Искательнице солнц» облачка плазмы. Не факт, что такая плотность предусмотрена спецификациями. Но, подумала Бет, никогда не знаешь, на что наткнешься в межзвездном пространстве. Не то чтобы они ожидали встретить Чашу, но «Искательницу» строили с многократным запасом прочности.

Например, окруженные газопылевыми облаками звезды могут ионизировать эти сферические оболочки – «Искательница» могла бы справиться с такой преградой, отчего бы не попробовать пробиться через чисто плазменную сферу? Носовые лазеры «Искательницы» могли распылить на атомы объекты размером с небоскреб единым гигаваттным импульсом. Такие мощности и требовались, чтобы рассеивать плазменный ураган, бушевавший вдоль фронта ударной волны.

Звезда Викрамасингх перемещалась против вращения Галактики – необычная, но не слишком редкая черта. Они летели в том же направлении, поскольку Глория располагалась дальше Солнца по спиральному роеколесу, вовлекшему большинство звезд Галактики. Потому-то странное поведение звезды и не было отмечено ранее – Чаша закрывала ее так, что Викрамасингх оставалась невидима и с Земли, и с «Искательницы». Но когда «Искательница солнц» стала обгонять светило, приближаясь к нему сзади, звезда внезапно выскользнула из укрытия и воссияла в небесах. Она была уже совсем близко.

– Мм, а как быстро она движется? – спросила Бет на следующее утро. В рубке управления было пять консолей – по одной на каждого.

– Скорость больше десяти тысяч километров в секунду, – ответила Майра.

– Это же чертовски быстро.

Майра улыбнулась.

– Ага. Я сразу заметила.

– Эта скорость близка к нашей собственной. Крайне высокая для звезды.

Абдус кивнул.

– Немного меньше нашей, так что мы ее обгоняем. Но, да, для звезды это крайне необычно.

Они переглянулись. Бет удивляло, отчего Викрамасингхи так любят тянуть резину, открывая тайны. Культурная обусловленность? А может, они просто не хотели ее шокировать на первых порах, сразу после пробуждения? Ей пришлось признать, что голова у нее все еще слегка кружится, и отнюдь не от холода или лекарств. У нее концептуальная перегрузка. Если бы не видела все это на экранах собственными глазами...

Возьми себя в руки.

– А можно ли, – начала Бет, – можно ли объяснить это воздействием вон тех протуберанцев?

Майра покачала головой.

– Каким образом? Они улавливаются Чашей.

Бет непослушными пальцами начертила схематический чертеж.

– Языки плазмы вырываются в сторону Чаши, а звезда ускоряется в противоположном направлении? Да еще эта дыра...

– Я об этом думал, – сказал Абдус. – Чаша удерживается на расстоянии, а ведь звезда должна бы ее притянуть.

У нее захватывало дух от мысли о том, какие колоссальные массы вовлечены в полет, как точно надлежало выверить это равновесие, чтобы они не столкнулись. Как это возможно?

– Как вообще летит эта конструкция?

– Вырывается струя, и структура движется вперед, – лаконично ответил Абдус. Викрамасингхи снова переглянулись, покачали головами, будто диву давались ее неумению осознать очевидное.

Она теперь понимала, почему они сперва пробудили Клиффа, а только затем – Редвинга. Специальность Клиффа имела отношение к странностям и чудесам жизни, что могла таиться на Глории. Он привык мыслить гибко. Он биолог, а не астрофизик. А все же именно он предложил подняться по струе, а не Викрамасингхи. Повисло напряженное молчание, а потом у нее появилась новая мысль.

Она внезапно вспомнила, как в древнем языке обозначалось это чувство: прозрение.

Узреть.

Увидеть свет.

– Мы не учитывали... свет, – проговорила она. – Они используют свет, исходящий от Викрамасингх.

– Ну и? – скептически отозвался Редвинг.

– Дайте-ка мне побольше спектрограмм этой штуковины, – приказала Бет. – Те, что мы собираем на подлете.

Она активировала пилотские импланты, послала запрос и получила в ответ: **Определенное методом спектрального синтеза содержание железа и α -элементов, именно: магния, кремния, кальция и титана...**

Стало ясно, что лучше положиться на разжеванные и выплюнутые системами корабельной диагностики диаграммы. Она оказалась между двух огней, там, где корабельные ИИ столкнулись с Неведомым. Информация текла на галлюциногенных скоростях.

Она могла посоветоваться только со своей интуицией, а больше ни с кем.

У каждого есть право советоваться с интуицией, но не присваивать себе факты.

Факты пускай говорят сами за себя.

Настал черед Бет вступить в игру.

В пилотское кресло комиссию не втиснешь. Даже Редвингу оставалось лишь наблюдать и принимать решения: по магнитным волнам корабль проведет не он, а Бет.

– Пожелайте мне удачи, – сказала она с напускной бравадой. «Искательница солнц» влетела в жемчужную окантовку струи.

Клифф порывисто потянулся к ней, обнял и поцеловал – в щеку, потому что девушка уже отвернулась к запестревшим графиками и спектрами обзорным экранам, развернутым перед ее противоперегрузочным креслом.

– Удачи тебе, – шепнул он.

И повалился в собственное кресло, расположенное так, чтобы Бет была хорошо видна.

Викрамасингх пылала, как факел, как маяк, доступный взору лишь через узкий глазок, сквозь который вырывалась струя.

– Как мы назовем этот?.. – подумала вслух Бет.

– Свищ, – резко бросил Редвинг.

В областях, граничащих со странным раскаленным пятном на поверхности звезды, откуда, собственно, и вылетала струя, с неутихающей яростью извивались и перекручивались корональные разряды. Магнитные бури одна за другой прокатывались по светилу, заливая

небеса жестким рентгеновским излучением. Вблизи Викрамасингх напоминала красного карлика, больного тем, что у звезд соответствует проказе.

Они поравнялись со струей и стали подниматься. Струя была направлена им навстречу, сила потока возрастала от часа к часу. Чаша кипела, как адский котел. Бет позволяла себе ненадолго вздремнуть, но действие седативных препаратов, введенных ей, в любой момент можно было прервать – она тщательно следила за этим; Абдус и Майра в итоге взялись ее подменить, когда девушка закемарилась прямо посреди маневра. Рубки она не покидала, то и дело одергивая себя, чтоб не сорваться на доброхотов – разве не должен пилот быть крепче кремня? Но помочь ничем не могла, разве что выстроить какие-то предположения. Внешняя поверхность Чаши в инфракрасном спектре напоминала корку пирога и слабо поблескивала. Как черная координатная сетка, ее усеивали непонятные структурные элементы – балки, катушки, арки? Объект, казалось, просто висел в пространстве, а на деле, вращаясь, неустанно следовал за центральной звездой. Темная сторона Чаши была холодна, как космос. Лишь малая доля звездного света отражалась от нее.

– Судя по спектрам, это какой-то металлоуглеродный композит, – заявила Майра. – Но несколько не похожий на наши сплавы.

Клиффу делать было особо нечего; он готовил поесть, мыл посуду, убирал, пока остальные самозабвенно работали в рубке. Каждую деталь плана, каждое изменение они проверяли и перепроверяли. Бет видела, что Клифф искренне восхищен тем, как тесно и слаженно они взялись за дело, стоило определить цель. По крайней мере, теперь можно было сфокусироваться на чисто технических аспектах и отстраниться от прочих проблем. Тем и счастливы.

Клифф слонялся на заднем плане; роль его существенно уменьшилась, но он все равно не мог спокойно спать. Бет читала его мысли: если нам суждено погибнуть, пускай я при этом буду в сознании.

Нескончаемый назойливый шум корабельных двигателей мешал сосредоточиться. Раздражение только нарастало, хотя она пыталась отвлечься на расчеты и маневры. Она глядела на растущее впереди пятно и фантазировала о нем на все лады, пока поля ионоточника перестраивались для маневра, в расчете на который их даже не подумали бы проектировать. Абдус и Бет мастерски воспользовались гравитационными эффектами звезды, перестраивая «Исследовательницу» на нужный вектор – тот самый, каким следовало и само карликовое светило.

Бет было не по себе от постоянного пребывания под чужими взглядами – а может, она уже с ума сходит от усталости? Редвинг почувствовал ее настроение и послал их с Клиффом составлять доклад Земле, с полными сводками данных и графиков. Они сидели в кают-компании одни, настраивая кормовой лазер для передачи отчета, когда ее поразила внезапная мысль. Каковы шансы, что «Исследовательница солнц» сразу вот так возьмет и нацелится точно на Викрамасингх, как только скорости уравниются?..

Редвинга тоже проняло, когда она ему это сбивчиво изложила.

– Они тоже направляются на Глорию! Черт!

– Хотят ее колонизировать? – спросила Майра.

– Да нет, невозможно, – возразил Абдус, войдя в комм-рубку. – Зачем? В Чаше поместятся десятки миллионов таких планет.

Возражение казалось убийственным, и все же... векторы скоростей наложились друг на друга. И корабль, и Чаша летели прямо на Глорию. Солнце стояло точно позади.

– Может, они просто странствуют от звезды к звезде? – высказал предположение капитан. – Межзвездные туристы?..

Молчание.

– Все знают про гравитационные волны? – осторожно спросил Редвинг и обвел остальных взглядом.

Те кивали.

– Нельзя утаить это шило в мешке от технически образованных людей, – прокомментировала Бет, не считая нужным отвернуться от меняющихся экранов.

– Вы полагаете, что эта конструкция, эта Чаша, направляется к их источнику? – спросил Абдус.

– Это имело бы смысл. Но все равно – загадка есть загадка, так? – Редвинг снова оглядывал команду.

– Когда мы улетали, – сказала Майра, – ученые сходились на том, что это просто фоновый шум.

– А есть ли шанс, что именно Чаша создает гравитационные волны? – поинтересовался капитан. – Посредством струи или?..

– Там нет масс, способных породить такое излучение, – ответил Клифф. – Я уже уточнил этот вопрос, пока оживляли Бет.

– А в системе Глории, – заметил Абдус, – столь аномальных масс тоже не отмечено. И что?

Редвинг поразмыслил.

– Не может ли быть так, что они направляются на Глорию за этим тамошним гравиволновым генератором?

Клифф пожал плечами. Ни одна идея его особо не прельстила.

– Интуиция здесь невеликая помощница, – сухо бросила через плечо Бет. За все время разговора она так и не отвела взгляда от дисплеев. Вскоре все вернулись к работе – планам, графикам, пилотированию. Изматывающая работа приносила облегчение, уводя мысли от неведомой судьбы. Бет видела, как Клифф одиноко слоняется по рубке. Он им явственно завидовал: по крайней мере, товарищам есть чем заняться.

Вектор скорости корабля утыкался точно в центр Чаши, окружавшей Викрамасингх, но они все еще держались на почтительном расстоянии. Бет регулировала скорость, сбрасывая нагрузку на двигатели.

– Может, если дать им передохнуть сейчас, – сказала она, самой себе не веря, – позже они заработают лучше.

Плазменная струя, выходящая через Свищ, содержала много быстрых ионов, устремлявшихся в ловушки ионоточника. По хребту огромного корабля прокатывались медленные судороги, не обходявшие стороной рубку и палубу. Бет почувствовала себя капитаном древнего морского корабля, захваченного бурей: такое случилось с нею впервые.

Теперь струя была видна даже невооруженным глазом. В основном жемчужная, кое-где подсвеченная быстрыми синеватыми и желтыми сполохами, которые Абдус приписал процессам рекомбинации в плазме – атомы, объяснял он, конденсируются из потока и, теряя энергию, выдают наблюдателям характеристические спектры перехода из возбужденных состояний. Для лучшего обзора освещение в рубке управления сделали красновато-розовым. Но если бы заслонки опустились, струя выжгла бы пилотам глаза и залила рубку пламенем. Удаляясь от Чаши, плазменный плюмаж оставался на диво узким. Бет поигралась со снимками, увеличила разрешение.

– Похоже, что по мере приближения к Свищу струя сужается, а затем, вырываясь наружу, немного расширяется... Взгляните: в исходящем потоке заметны регулярные светлые участки.

– Зоны неустойчивости, – сказал Абдус, от волнения его голос срывался, хотя он как мог держал себя в руках. – Сквозь дыру – Свищ – струю продавливают магнитными полями.

Бет заметила, что вдоль струи торчат сияющие волокна плазмы, как шипы на ошейнике. Теперь вид на дыру, через которую вылетала пламенеющая струя, значительно улучшился, и стало понятно, что Свищ идеально круглый, диаметром больше расстояния от Земли до Луны. Майра нацелила все телескопы «Искательницы» на кромку Свища. Микроволновой

спектр испещрили шумовые выбросы от раскиданных по струе ярких пятен – протестующие вопли выжатых в космос электронов.

Абдус вывел на экраны картинку Чаши под особенно удачным углом обзора, стал увеличивать разрешение, и Клифф почувствовал, как у него бешено колотится сердце.

В косых звездных лучах была видна сложная система колец или катушек с прекрасной температурой чуть подогретой воды.

– Они больше горных цепей, – прошептал Абдус.

Клиффу отчего-то пришло в голову, что, кем бы ни были создатели Чаши, они давно уже вымерли. Смерть, распад, исчезновение, вымирание – судьба видов под молотом, ударяющим по наковальне Времени, прискорбно одинакова. Видов, а не только цивилизаций. Эта конструкция должна быть очень старой – а все же она работает. Солнечный ветер Викара-сингх неустанно задувает в воронку плазменной струи, разгоняя всю структуру до колоссальной скорости. Кто же мог додуматься до такого, не говоря про воплотить на практике?

Бет выделила в микроволновом спектре более интенсивные сигналы – электромагнитные, нарастающим жужжанием сопровождавшие приближение «Искательницы солнц» к Чаше. Майра засекла на внутренней кромке, за катушками, следы воды и азота.

– Там воздух? – вслух спросила Бет. Никто не отважился ответить. Клифф вспомнил, что внутренняя поверхность Чаши в миллионы раз просторнее Земли. И даже больше того: введя поправку на рефракционные эффекты в окружавшем «Искательницу солнц» плазменном коконе, они увидели, что вся оболочка, несомненно, вращается как целое.

– Ну да, конечно, – проговорила Майра, – центростремительная гравитация.

Они свели воедино результаты измерений и построили на главном экране изображение объекта. Сияющий плазменный штырь торчал из Чаши, выходя через дыру с незашлифованными краями.

– Совсем как огромная чашка для чая, – проронил Редвинг. – Или нет, кубок. Кубок мира.

Долгое мгновение все молчали. Затем Редвинг с тщательной небрежностью сказал:

– Абдус, пожалуйста, проверь, нет ли еще ответа с Земли.

– Но сигналов не поступало...

– Сейчас, – коротко бросил Редвинг. Бет поняла: Абдуса следовало чем-то занять.

По палубе прокатилась долгая рыкающая нота прежде неслышанной вибрации, такой глубокий бас, что они его скорее почувствовали, чем услышали.

– Мы входим во внешние слои струи, – сказала Бет лаконично. – Думаю, стоит назвать это... плазменным серфингом.

Редвинг нахмурился.

– Полный вперед. Заиклиться.

– Есть.

Бет проделала сложный маневр, не отводя глаз от экранов. Чаша стала стремительно раздвигаться.

– Мы теперь заперты в потоке, – глубокая басовая нота выворачивала кишки. – И... замедляемся. Мы летим прямо вверх по струе.

«Искательница солнц» заложила отчаянный поворот. Чтобы проскочить в плазменную струю, требовались навыки конькобежца, помноженные на таланты акробата, – предстояло кружиться в трех измерениях под все возрастающими рывками. В межзвездном пространстве, где водород существует главным образом в виде газа, не разделенного на ионы и электроны, «Искательница» вынуждена была ионизировать газ ударной волной от собственных осциллирующих магнитоходов. Волны давления распространялись перед кораблем, перепахивая пространство, захватывая электроны и вмазывая их в молекулы водорода. При должном навыке

(у Бет на это ушла пара мгновений) можно было спокойно расщепить водород на протоны и электроны. Газ подпитывал ионный факел, перед самым кораблем протягивалась плазменная колонна, вещество из нее собиралось в диполь-магнитные воронки и поставлялось в камеры термоядерного синтеза. Трюк был в том, как заставить корабль мчаться на хребте этой гневно плюющей плазмы, устремленной вперед колонны.

«Искательница солнц» вихляла из стороны в сторону на несколько градусов, немного отклоняясь от звезды-цели, но тут же возвращаясь в поток, исходящий от нее. Струя сужалась, обрастая кружевными волоконцами. Последним отчаянным усилием они полностью нырнули в струю: ускорение, головокружительный рывок, перегрузка, вдавившая всех в кресла надолго... навеки...

Задать звездолету новый курс – непростая работенка. С Бет пот лил ручьем, она не глядя ткнула пальцем в консоль, повеял свежий ветерок. По всей длине «Искательницы солнц» скрипели переборки, и скрип этот эхом отдавался в коридорах. Даже закрепленные мебель и оборудование ерзали и дергались. Бет не знала, выдержит ли «Искательница» эту нагрузку, выдержит ли ее она сама.

Наконец они выровняли курс и направили исходившую от светила струю прямо в магнитосборщики. Бет кинуло вперед отдачей от замедления, ремни впились в тело. На круговом обзорном вседиапазонном экране стало видно, как нос корабля облизывают и покусывают струи раскаленной плазмы. Скорость «Искательницы» все еще была выше скорости звезды, но по мере углубления в Чашу и яростную струю в игру вступали другие силы. Она почувствовала эти силы, сперва встревожилась, потом сообразила: «Искательницу» начинало поворачивать, корабль находил себе более или менее устойчивое положение в бешеном плазменном потоке. Казалось, что их закинуло между жерновами медленно вращающейся мельницы.

– А знаете, я догадалась, отчего эта струя такая прямая, – тоном светской беседы проговорила Бет. Руки ее уверенно, стремительно танцевали над консолью индукторов. – Ее действительно сужают магнитные поля, но порождает их ток в самой струе.

– Правда? – уронил Редвинг. Он был не по этой части.

– Кто-то придумал использовать для этого поля самой звезды, втиснув их в струю. Встреченные нами геликоидальные волокна как раз ими и образованы.

– Токи? – встревожилась Майра. – Но корабль же металлический, он проводит...

– Ага, и токи текут вокруг нас, не попадая внутрь. Закон сохранения углового момента и всякое такое. Вспомните, на Земле самолеты летают в грозовых облаках. Но... ничего себе поездочка! Эх нас потряхивает!

Бет обернулась улыбнуться остальным и увидела на их лицах тревогу. Не всем по вкусу этот серфинг. Ничего, распробуют.

– Да ладно, у меня все под контролем. Не надо так потеть. Это всего-навсего огромный соленоид. – Сперва хорошие новости, остальное подождет. – А это значит, что мы преодолеем более долгий путь, который потребует больше времени, то есть из струи выскочим, дополнительно сбросив скорость. Вот так.

Остальные не изменились в лицах.

Пассажиры, что с них взять!

Совсем не умеют прикалываться.

Их крутило в струе час за часом. Бет чувствовала растущее в команде напряжение, но отчего-то ей было по барабану. Рассекая плазменные узлы без вреда для корабля, она ловила кайф. Сердце ее колотилось от наслаждения, восторг не с чем было и сравнить. Она стала парашютистом, дайвером и серфером в одном лице, наслаждаясь собственными скоростью и мастерством.

Ништяк!

Она счастливо улыбалась, а Редвинг мрачнел. Заметив это, она поколебалась, заявила, что ей нужен отдых, отвязалась от кресла, с трудом встала, оглядела дисплеи. ИИ неустанно трудились, внося поправки в курс. К этому моменту корабль накопил немалый заряд на вершинах и элеронах, и Бет опасалась, как бы чего не закоротило. Слишком много электронов танцует на шкуре «Искательницы». В следующее мгновение, вспомнив какое-то соотношение из физики первого курса, а отчасти по наитию, она смела этот заряд с корпуса импульсом протонной плазмы. Добро пожаловать, месье Кулон.

Она продолжала стоять. Ощущения были как от серфинга на самой высокой волне во Вселенной. Вокруг вздымается пена, штормит, крутит, корежит – и пробирает до глубины души с каждым километром.

На экранах возник Свищ. Она опустила назад в кресло.

Ну что, ништяк уже всё? Посмотрим.

Кто-то что-то говорил за ее спиной, она не обращала внимания. Умным пилотам ни к чему вслушиваться в лепет пассажиров.

Бет до боли навалилась на крепежные ремни. Впереди, за Свищом, похожим на бычий глаз, зияла внутренность Чашы – отсюда она казалась плоской. Девушка видела сложные извивы катушек у полярного отверстия – те вздымались над краем Свища, как горные гребни. Искусственные токопроводы размерами больше континентов? Кто-то должен был спроектировать полевую оболочку, отслоившую эту плазму от светила, создать те самые поля, какие теперь со слепой яростью колотились в «Искательницу». Кто-то... очень большой.

– Теперь нам легко тормозить, – сказала она обыденным тоном, желая успокоить остальных. Ей не было нужды оборачиваться: она обоняла их страх. Корабль поднимался против течения струи. Напряженность магнитных полей выходила за пределы спецификаций «Искательницы», звездолет трясся и стонал. Чаша надвигалась, по «Искательнице» прокатывались глубокие басы, кресло Бет вибрировало, да что там – все вокруг ходило ходуном...

Сфокусируйся. Она провела корабль сквозь Свищ, держась подальше от краев отверстия, где «Искательницу» вмиг испарило бы. Закрученные петлей магнитные поля на границе Свища сужали струю, как водный поток в узком месте водопровода. Скорость потока, направленная против скорости корабля, увеличивалась; здесь напряжения должны быть особенно велики, не потому ли и Чаша в области Свища толще, чем где-то еще? Вдоль краев Свища плясали молнии. Она приказала ИИ вывести карту магнитной геометрии Свища. Спустя секунду на дисплеях возникла многоцветная трехмерная картинка.

– Петля, в которую мы лезем, свита дипольными полями, – сказала девушка отстраненно. – Эти диполи перпендикулярны другому полю, так что магнитные токи не могут компенсировать друг друга. Чистая работенка.

Позади поднялся возбужденный шум. Спешные гипотезы, легкая болтовня, пререкания, смех – все это она игнорировала.

– Кроме того, дамы и господа, у нас тут радиоактивно, как в аду, – весело продолжала Бет, – но не беспокойтесь, эта доска для межзвездного серфинга для таких вод и разработана.

Они пробивались вперед и вперед, теряя скорость. Бет поерзала в кресле, подтянула ремни, поерзала снова.

Я оседлала большую волну. Такая раз в жизни попадается. Если выживу, будет что рассказать...

Нос корабля клонило в сторону, но девушка выправляла его снова и снова. С каждым разом это давалось легче. Уголком сознания она заметила, что с нее опять полил пот.

Ничего странного, что я больше не слышу, как от них воняет страхом.

Она поймала сполох, пробившийся сквозь плазменную пелену прямо по курсу – крохотная сверкающая сфера, Викрамасингх. Чаша уплощалась, горизонт опускался. Корабль выдержал испытание.

Для Бет время утратило всякий смысл. Она считала рывки и нырки, спирали и петли, выправляла курс, чертыхалась, отирала пот – и они пробились.

Они прошли насквозь.

Открылось небо. «Искательницу солнц» вынесло на серебристую равнину.

Струя продолжала молотить по кораблю, как по наковальне.

– Красота! – вырвалось у Клиффа, который подался вперед в своем кресле. Послышались торжествующие возгласы. Они неслись над бескрайней белой равниной, сбрасывая скорость, потом снова заложили поворот.

– Выходим из струи, – проговорила Бет тоном человека, предлагающего масло к тостам.

Если сейчас остаться в плазменном плюмаже, корабль еще больше замедлится, его отнесет обратно к Свищу и вышвырнет наружу.

– Нам шкурку на сопротивлении здорово разогрело, – скованным от тревоги голосом отозвался Абдус.

– Я едва держу вектор, – тихо присоединилась Майра. Клифф уже научился улавливать в ее голосе чуть слышимое напряжение.

Раскаленная добела струя стала истончаться, потом развеялась и пропала. Накатила турбулентность, вдавила людей обратно в кресла, выжала из бедной «Искательницы» новые металлические крики.

– Вышли! – заорала Майра. – Мы вышли!

– Я бы сказал, – заметил Редвинг, – что мы, напротив, вошли.

Дружный смех, и обзорный экран приковал все взгляды. Теперь они видели Чашу изнутри... как бескрайнюю сегментированную равнину света. Корабль медленно набирал высоту, отдаляясь от струи, плазменные факелы опадали, обзор расчищался. Вдали, в дымке, координатной сеткой проглядывали изящные серебристые дуги охватом с планеты. Ячейки сетки разграничивались темными тонкими линиями, отмечавшими участки различной кривизны исполинского... зеркала. И глаза подсказывали, что фокальная точка его лежит очень далеко.

Повисло молчание.

– Зеркала отражают свет назад, внутрь, на звезду, – прошептал Абдус. – Вот почему там появляется это раскаленное пятно.

Бет кивнула, пораженная. Да... так и есть. Иначе колоссальные искривленные зеркала в первый же миг ослепили бы их.

Они забрали в сторону, повернули, экраны перестроились, захватили колоссальную кривизну возносящейся к небесам конструкции и... проблески зелени.

Она задала телескопам увеличение, нацелив их внутрь, к самой кромке полусферы. Нижние широты внутренней зоны Чаши изобиловали яркой зеленью и водной синевой. Озера? Нет, океаны! Разум бессилен был осмыслить увиденное глазами. Они летели вдоль оси струи, не в силах оторваться от величественного ландшафта.

Бет прикинула углы и расстояния.

Любая из ячеек сетки была просторнее целой Земли. Каждая кишела уловленными в паутину зеленовато-коричневыми континентами и безбрежными морями-океанами.

И тут у нее помутилось в глазах от усталости, все тело сковала боль.

– С меня довольно, – сказала Бет. – Мы достаточно сбросили скорость, поднимаясь против течения струи. Чаша и система Викрамасингх движутся довольно быстро, мы теперь в их

инерциальной системе отсчета. Фактически мы провалились в гравитационный колодец звезды.

– С тебя?.. – переспросил капитан Редвинг.

– Капитан!..

– Нет-нет, – осекся он, – все в порядке. Бет, я... размах этой структуры поражает, от него голова идет кругом. Чаша ведь размером с небольшую звездную систему, не так ли? Значит, можно спокойно оставить корабль на орбите вокруг центральной звезды. Ведь верно? Мы не слишком близко, нас не сожжет?

– Все в порядке.

Она с усилием выпрямилась и поджала побледневшие губы. Последнее усилие.

– Я оставляю ионоточник в равновесном состоянии, поля широко раскинуты, радиация нас не захлестнет. Она тут довольно жесткая, ну да что же поделать. Мы уравнили скорость со скоростью системы, так что если у нас и появятся какие-нибудь проблемы, то до них еще месяцы. Мы выходим на эксцентрическую орбиту, правильно, Абдус? Я вернусь за пульт, прежде чем что-то может случиться, но все равно, побудьте кто-нибудь на шухере, а?

Редвинг озадаченно глядел на девушку. Бет слабо улыбнулась ему.

– Я спать хочу, кэп.

Она побрела прочь.

За спиной Редвинг не выдержал:

– Да как вообще можно уходить от этого?

А потом появился Клифф, поддержал ее, повел за собой. Правда, его и самого слегка мутило.

4

Бет вздрогнула и проснулась, гамак дернулся. Руки и ноги ее ныли – от предплечий до кончиков пальцев, от бедер до пяток.

Сон слетел с нее. Под пальцами не было консоли, корабль не ревел, прорываясь сквозь раскаленную до звездных температур струю плазмы. Она свернулась клубочком и попыталась забыться снова. Клиффа рядом не оказалось. Как долго она спала?

В конце концов она выбралась из гамака и побрела в командную рубку. Звук шагов помог ей полностью прийти в себя, но руки все еще подрагивали. Не лучший отходняк у пилота...

– Привет! – улыбнулся ей Клифф. – Редвинг оставил меня на вахте. Абдус рассчитывает орбиту, если только сам не клюет носом.

Бет проголодалась. Поглощая хлеб и фрукты, она оглядывала экраны.

Ее пронзила мимолетная зависть к остальным, которые, должно быть, созерцали это величественное и прекрасное зрелище часы напролет.

От Свища расходились структурные сочленения. Она уже видела их с другой стороны, и теперь глаза, оглядывавшие бескрайний муравейник, обманывали девушку: ей казалось, что все эти сооружения совсем рядом, только руку протянуть стоит... как если бы под ними простиралась Земля... но нет, расстояния были не меньше межпланетных. Узлы координатной сетки в окрестностях Свища превосходили размерами континенты. Далеко внизу под кораблем тянулась зеркальная поверхность, формой походившая на вок, возносилась в небо, по кромке запятнанная зеленью и охрой. «Искательницу солнц» от этой кромки отделял мерцающий слой – атмосфера? Как она там удерживается?

Она прищурилась, и ей почудилось, что звездный свет отражается от какой-то прозрачной перегородки – что это, мембрана? Как будто миллионы квадратных километров Чаши затянуты пластиковой пленкой, упакованы на манер бутерброда. Диффузный слой уходил вдаль, к землям пригодного для жизни пояса, к толстому цилиндрическому гребню... Кубка мира?

Ей не нравилась эта Редвингова шуточка, но что-нибудь получше придумать она сейчас была бессильна. Зеркал на кромке не было видно. Континенты, затянутые облаками, в разрывах облачных слоев проглядывает зелень. Пустыни сверкают в сиянии нескончаемого дня: звезда Викрамасингх никогда не садилась. Во всей колоссальной конструкции нет места, куда могла бы заползти ночь.

Что же там обитает? Ее руки снова затряслись, даже сильнее прежнего. Размах Чаши подавлял. Бет с трудом отвела глаза.

– Они создали себе мир... хабитат... на краю Чаши, – изумленно сказала Майра, – вон там – обширная зелень, видите?

Бет глубоко вздохнула. Пилот ты или кто? Сфокусируйся. Ради своей же безопасности. Она отняла руки, дернувшиеся к консоли.

Клифф потянулся за планшетом.

– Мы тут склепали более или менее полное схематическое изображение этой штуки. Гляньте.

Она внимательно рассматривала картинку. Накатывало головокружение.

– Да. Все верно. Вы разметили области гравитационного эквипотенциала вдоль оси вращения.

– Ага. Вот эти загогулины на кромке – какие-то топологические особенности. Каляки-маляки больше планет, существенно больше.

Он с притворной беспомощностью всплеснул руками и усмехнулся, потом снова нахмурился, встревоженный ее усталым безразличием.

– Ну да, так тяжело осознать масштаб всего этого – непостижимо! Наброски хоть как-то помогают. Ты теперь видишь, как струя, раздуваясь, выплескивается со звезды?

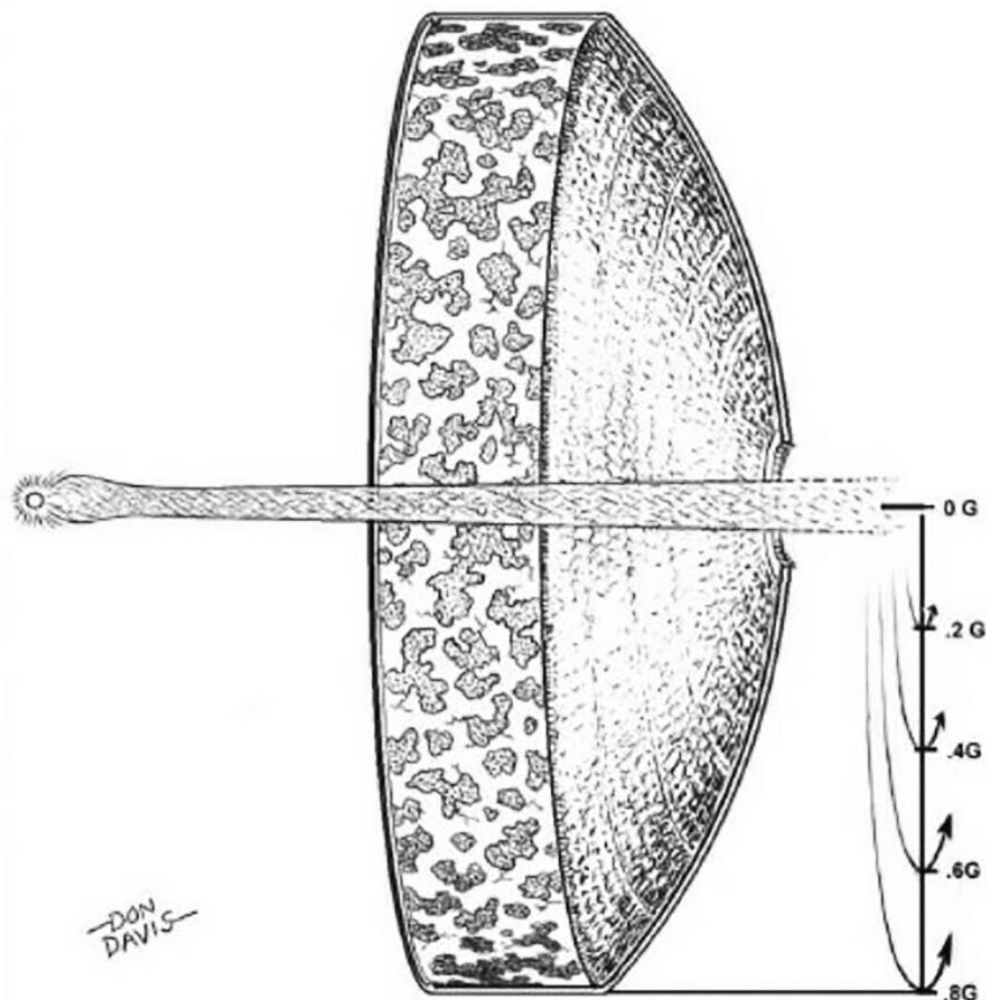
Она повертела рисунок.

– Похоже, ею управляют магнитные поля, придавая форму пучка соломы... и он медленно разлохмачивается...

– Вок с неоновой струей, льющейся через дырку в днище, с пригодной для обитания внутренней кромкой – и даже эта кромка, связанная центробежной гравитацией, обширнее всех планет в тысяче звездных систем!

– Они не стали заселять всю Чашу, они живут на ее ободе, – сказал Клифф, – остальную поверхность покрывают зеркала. Но это куда больше, чем просто хабитат. Чаша ускоряется! Взгляни на струю: она куда-то летит. Это корабль. Корабль-звезда. Мы, люди, сумели построить всего лишь звездолет.

Челноки «Искательницы солнц» не отличались особенными излишествами. Конструктивно их оформили в виде стопки модулей: вместо пассажирских можно было по желанию воткнуть грузовые или дополнительные топливные баки.

Еще имелось два флайера, «Хокинг» и «Дайсон», увесистые близняшки.

– Использовать аппараты для плотных слоев атмосферы не станем, – рассуждал Редвинг. – Что бы ни удерживало там воздух, мы его продырявим.

– Капитан, – заметил Абдус, – это по сути танкеры.

– «Церера» и «Эрос» – тоже ведь танкеры, для астероидов, – сказал Редвинг. – Просто прицепим бак.

– Здесь нет ни астероидов, ни комет, – отозвалась Майра, – и я думаю, оттого, что местные расчистили всю систему от угрожающих хабитатам объектов. А может, даже использовали это вещество для постройки Чашы.

– В самом деле?

– Мы ничего не нашли, – ответила Майра.

– За четыре дня? В звездной системе, которую тысячелетиями можно картировать?

Викрамасингхи пропустили мимо ушей сарказм Редвинга. Действительно, автоматические сканеры не обнаружили признаков астероидного пояса.

– Систему как будто пропылесосили.

– Гм, – протянул Редвинг. – Значит, с Чашей ничего не может столкнуться?

Клифф слушал вполуха, не его это было дело. Автоматические сканеры быстры и сообразительны, и, наверное, Майра таки права: всю систему вычистили от мусора уже очень давно. Впрочем, ему не хотелось особо перечить Редвингу: лучше уж сохранить кредит доверия,

выданный вспыльчивым капитаном, до лучших времен. Капитан спал очень мало: Клифф то и дело встречал его по ночам обходящим коридоры. Редвинг проверял и перепроверял корабельные системы, отдавая этому почти все отведенное для сна время. Хотелось бы ему поговорить об этом с кем-то еще, но Викрамасингхи держались особняком. Бет отсыпалась: после оживления и жестокой встряски Свища у нее наступил полный упадок сил. Редвинг рубанул воздух ребром ладони.

– Ладно, примем это как данность: ни астероидов, ни комет. Мы прицепим бак к «Эросу», там поместится вода, а если не хватит, то где-то по дороге достанем, не может же ее не быть. Он даже способен опуститься на поверхность: выдвижные шасси, высокоскоростной двигатель. Мы считали, что там будут спутники...

– Капитан, где именно вы планируете высадку? – бесстрастно уточнила Майра.

– Вон там, – махнул Редвинг в сторону зеленоватой кромки Кубка мира.

– Я так и думала. Если бы мы высадились у Свища, от источников воды нас отделили бы миллионы километров, притом мы бы оказались по соседству с системами контроля электромагнитов. Наше появление могли бы принять за вражескую атаку.

– Вы правда так думаете? – прищурился Редвинг.

Майра смотрела на него без всякого выражения, очевидно, пытаясь на свой лад выглядеть дипломатично.

– Мы понятия не имеем, насколько гостеприимны создатели этого объекта.

Клифф не выдержал:

– По крайней мере, они не стали нас обстреливать.

Редвинг скорчил гримасу. Он был, по совести говоря, человек небоевой. Не за это его назначили.

– Они даже не пытались выйти с нами на связь. Мне это не нравится.

– Но, капитан, – настаивал Клифф, – на кромке сосредоточены вода и все пригодные для культивации земли. Они должны обитать именно там.

– Кроме того, – прибавила Майра, – эта конструкция вращается со скоростью тридцать четыре километра в секунду.

Редвинг кивнул:

– Это выше нашей орбитальной скорости, да? Следует ли пополнить запас топлива, чтобы разогнаться до этого значения?

– Разгон съест значительную долю оставшихся бортовых ресурсов, – сказал Абдус, – прежде всего воду для термоядерной ракеты.

Редвинг фыркнул.

– У нас все бортовые суда на термояде. Если зачерпнем из Кубка водички, сможем летать, куда захотим. И так для любого из них: увидели, скажем, озеро, вывели «Искательницу солнц» на ближайшую орбиту, опустили туда модуль... Бет знает, что делать... Клифф!

Тот подскочил от неожиданности.

– Где нам лучше высадиться?

Они апеллировали к его навыкам биолога.

– Там вроде бы имеются пахотные земли, леса и луга, – сказал он, – на разных типах хабитатов... А видите вон там ледяные поля? Не знаю, как им удалось их сформировать... Наши телескопы не в состоянии разглядеть отдельные деревья, все, что они дают – это оптический спектр. По отраженному свету похоже, что в растениях присутствует хлорофилл. Капитан, я бы рекомендовал первым делом высадиться вблизи любого источника воды на кромке и пополнить запас топлива.

– Где высаживаемся? – спросила Майра. – Изнутри Чаши или снаружи?

– Конечно, изнутри, – свел брови Редвинг. – Они же там живут.

Майра поджала губы.

– Несомненно, что именно с наружной поверхности объекта они запускают свои космические корабли, – сказала она ровным тоном. – Это сравнительно несложно. Достаточно погрузить корабль в лифтовую шахту, опустить на уровень ближайшего шлюза и вытолкнуть. В тот же момент корабль приобретет начальную скорость, грубо говоря, тридцать четыре километра в секунду. Отпадает необходимость пробиваться сквозь атмосферу или мембрану, которая эту атмосферу удерживает.

Клифф усмехнулся: Майра не меньше его самого ломала голову над принципами работы колоссального артефакта.

– Думаете, можно пробиваться через воздушные шлюзы? Снизу? Не исключено, что вернувшиеся или прилетевшие суда они притягивают магнитными вершами. Мы могли бы использовать...

Майра пожала плечами.

– Предположим, что мы это сделали. А как нам постучаться в дверь?

– Ну должна же там быть какая-то охрана... – начал Редвинг смущенно.

– Если мы постучим в дверь и нас впустят, – сказал Клифф, – с тем же успехом они могут заблокировать шлюзы и поймать нас в ловушку.

Вот это Редвинга проняло. Он откинулся в кресле и одарил присутствующих непроницаемой улыбкой.

– Выбор облегчается, да? Нам необходимо удерживать свободу маневров, пока не узнаем, с кем – с чем – мы имеем дело. Спускаемся через атмосферу.

– Нам придется пробиваться через мембрану, – заметил Клифф.

– Это они могут счесть проявлением агрессии, – добавил Абдус. – Я бы на их месте счел.

– Вас не удивляет отсутствие реакции? – рассудительно спросил Клифф. – Они должны были нас заметить. Отчего они никак не дали о себе знать?

– Хороший вопрос, – сказал Абдус. – Я не зафиксировал никаких электромагнитных сигналов. Вообще никаких.

– Странно, – сказал Редвинг. – Хотя широкополосного радио можно было ожидать...

– Возможно, они не используют радио, – ответила Майра, – а обходятся пиринговыми сетями с маршрутизацией по лазерным лучам. Как и мы.

Редвинг выпрямился в кресле и командирским голосом рыкнул:

– Абдус, у нас осталось время на размышления? Успеваем выбрать место высадки?

– Не слишком много.

– Тогда берем «Эрос», – решил капитан Редвинг. – Подготовьте его к вылету как можно быстрее. Сколько еще трупиков должны оттаять?

Интересно, это у Редвинга такой способ достижения консенсуса? Теперь на курсах повышения лидерских качеств такому учат?

– Как минимум двадцать, – озвучил очевидный ответ Клифф, – для мало-мальски сложной операции на поверхности.

– Размораживайте.

5

Они не сводили зорких приборов и беспокойных глаз с Кубка мира, занимаясь реконфигурацией вспомогательных кораблей. Бет перевела «Искательницу солнц» на удобную для запуска «Эроса» орбиту. Маневрировала она очень осторожно; впрочем, расстояние от поверхности, пускай даже различной в превосходных деталях, оставалось огромным. Даже орбитальные встречи потребуют здесь недель подготовки. Это вам не планета...

За время маневра оживили тех, в ком нуждалась будущая экспедиция: инженеров, техников службы поддержки, «почвенников» – всех, кто призван был трудиться на планетах. Редвинг

стремился минимизировать число участников вылазки: коль скоро нынешняя команда в полном составе отправится в Чашу, ей тоже потребуется замена, и плохо, если разбуженных не удастся подготовить.

Оттаявшие пришли в крайнее изумление, что было неудивительно.

От одного взгляда на корабельные новостные ленты у вновь очнувшихся захватывало дух. Редвинг быстро усвоил, что полезнее для психики попросить очередную партию разбуженных провести инструктаж следующей. Да и Клифф совсем вымотался от неустанный повторения сведений о невообразимой ситуации.

Он целые дни напролет исследовал озера, реки и океаны Кубка мира – или, как некоторые говорили, Чаши. Попытавшись изобрести не менее информативное, но не столь приземленное наименование, Клифф потерпел неудачу. Что до голубых и синих пятен, усеивавших поверхность, то в их размещении намечался несомненный порядок. Крупных пустынь или бесплодных земель не обнаруживалось. Все территории получали вдоволь влаги и ветра.

Первым разбудили Фреда Ояму, чтобы Клифф мог поработать с геологом при картографировании.

– Это же не геологическая структура, – было первое, что сказал Фред. – Это, м-м, здание.

– Здание размером с внутреннюю область Солнечной системы, – подтвердил Клифф. – Но кто-то же его спроектировал, разве не так? Взгляни, как неукоснительно соблюдается фрактальное распределение озер, рек и морей.

Фред размышлял.

– Оптимальный способ распределения воды. Они стремятся избегать пустынь? Но вот участок... выглядит совсем как пустыня. А этот лес может быть... ладно, пустое.

– Похоже на символы, – согласился Клифф. – На письменные знаки. Кто-то закодировал сообщения в ландшафте, гм? Совсем как в «Путеводителе по Галактике для путешествующих автостопом», там еще парень дизайном фьордов занимался, помнишь?

Фред непонимающе глядел на него.

Редвинг, кстати, не слишком охотно согласился разморозить Фреда Ояму. Биография Фреда недвусмысленно аттестовала его как ярко выраженного аутиста, почти лишенного социальных навыков. Росточка он тоже был не ахти какого, едва укладывался в требования. Его, по существу, близко никто особо и не знал. Понятное дело, в экипаж набирали не одних только экстравертов – психологи требовали разнообразия. Редвинг как-то заметил, что веселая вечеринка, на которой все говорят одновременно и никто не слушает, годится только для записи эталонно зашумленного спектра, и провел аналогию с командной работой; однако та же биография содержала длинный перечень оригинальных идей Фреда, суммированный заключением, что в интеллектуальном аспекте он почти гениален. Это-то Клиффу и нужно было.

Клифф указал на переходную зону изящного закругления от цилиндра к обширному зеркальному куполу.

– Я все пытаюсь сообразить, каково это – обитать на поверхности, которая у тебя из-под ног уходит. Вся конструкция вращается согласованно, и как только уклон меняется, центробежная сила тяжести оказывается направлена под углом.

Фред увеличил этот участок.

– В этой области реки текут вверх и попросту исчезают в песках. – Он щелкнул пальцами. – Я понял! Центробежная сила тяжести работает против кривизны высоких широт Чаши, направленной внутрь. Вода не заливает зеркала, потому что не может туда подняться. Самой по себе гравитации достаточно, чтобы очистить это обширное пространство от всех следов жизни. И, может быть, даже от воздуха.

Фред, как всегда, попал в яблочко. На борту «Искательницы солнц» дураков не было. Лишь люди с иным складом ума или люди, с которыми ты мог не согласиться. Стоило об этом помнить.

– Похоже, что ты прав. Зеркала играют важнейшую роль, и строители не хотели, чтоб они поросли лишайниками или чем-то в этом роде.

– Вся структура жестко разграничена: цилиндр для жизни, зеркала для фотонной тяги, – покачал головой Фред. – Какая превосходная идея!

– Интересно, кто мог вообще до нее додуматься?

– Кто-то, кому нет нужды спешить. Конструкция ускоряется очень медленно. – Фред посмотрел на блестящую вдалеке струю – колонну из алмаза и слоновой кости, оплетенную вечно шевелящимися щупальцами. – Эта плазма толкает вперед звезду.

– Согласен, странно у них мозги работали. Но... инженерная мысль везде одинакова: если что-то не фурычит, его надо модифицировать.

– Хочешь заняться обратной разработкой этой штуки? – усмехнулся Фред, повертел лысой головой, словно желая поймать далекий свет. – Отлично, отлично...

Клифф задал большое увеличение участка, где свет центральной звезды отражался от атмосферной мембраны. Они с Фредом продолжали болтать о том о сем, а Клифф всматривался в картинку. Сверкающая поверхность должна быть довольно тонкой, но все же она удерживает воздух – а это именно воздух, 19 процентов кислорода, 72 процента азота, следы углекислого газа и благородных газов.

Потом он увидел это: клочок мембраны, от которого свет не отражался.

Они увеличили картинку до предела разрешающей способности телескопов и вызвали Редвинга.

– Думается, мы нашли неприкрытый участок, – сказал Клифф, указывая на темный, словно выгоревший кружок. – Он примерно сто километров в диаметре.

– Как они это терпят? Разве воздух не улетучивается?

– А если они открыли его совсем недавно? – заметил Фред. – Для нас. Структура таких размеров может и потерять немножко...

Редвинг по очереди отсмотрел все снимки, во всех спектральных диапазонах, и наконец произнес:

– Открытые зоны... Ну что же, это имело бы смысл. Для посадки из космоса?

– Мы так и поняли, – сказал Фред.

– Значит, проблема поиска места высадки отпадает, – с тонкой самодовольной усмешкой ответил Редвинг. – Спускаемся.

6

Если сердце твое огромно, думал Мемор, и вдоволь у него силы одолеть супостатов, тогда в игру вступает мудрость. Изведав помыслы врагов, избежнешь их атак. Как только сердце твое одолеет противников, можно будет направить их на путь истинный, указанный многотрудно завоеванной мудростью.

Он встряхнулся. Рассуждение это всплыло из потаенной доселе части сознания... неутолимой части, что вскоре преобразует его разум в ее разум. Мемора ныне охватила лихорадка Перемен.

Не лучшее время улаживать кризис, подобного коему не видели предшествующие восемь в квадрате поколений. Жизнеформы следует лепить в мире и спокойствии, но, видать, не суждено это Мемору. Минует несколько кратких циклов, и он сделается женской особью; впрочем, он еще не вполне утратил присущее мужским особям чувство радости и всемогущества, чувство Танца. Он даже обонял аромат Перемены, распространявшийся от него. Гормоны лютовали, молекулы ярились, сражаясь за превосходство в кровавом потоке. Накатывали и отступали волны лихорадки, подобные записанным химическими символами докладам с поля битвы. Перемены эти внедрялись еще Основателями и теми, кто наследовал Им: бесчисленные

эпохи придали трансформации сакральный статус. Мемор понимал, что нынешнее переменчивое настроение и раздражительность – неотвратимая плата за обретение высшей мудрости. Цена высока. Сколь нелегко уплатить ее в разгар кризиса!

– Нисходит Повеление, – возгласила Префект в собрании Астрономов, играя тонами древнего языка.

– Повеление пребудет, – отвечал хор. Собравшиеся занимали отведенные им места под куполом.

Мемор пропустил мимо сознания докучливые детали обсуждений. Тело его оставалось неподвижно, разум же бурлил от подаваемых изменявшейся личностью импульсов. Даже Подсознание, обыкновенно смирное и послушное, покрылось коростой ароматов и овевалось будоражащими ветрами. Размеренные течения его зауливались от беспокойства.

Технические подробности он, однако, выслушал со всемерным вниманием. Сзади приближался звездолет довольно примитивной конструкции. Диагностические сенсоры показывали, что корабль предпринял разворот и пошел на сближение, как если бы первоначальный курс уводил его прочь от Чаши. Возможно, пришельцы направлялись к звезде, сиявшей впереди, к светилу, откуда исходило гравитационное излучение?

По собранию Астрономов прокатился шум. Из возбужденного гогота рождались все новые предположения. Отслеживая сигналы с приближавшегося судна, они заметили, как звездолет послал вспять несколько импульсов. Спутники зафиксировали их, однако лингвистам не удалось извлечь ничего, кроме простых правил грамматики и контекстуальных конструкций. Отраженный в языке интеллект этих существ не отличался сколько-нибудь интересными чертами. Линейная логика рассуждений, несколько слоев смысла. Они напоминали свой корабль – примитивные, но амбициозные. Предпринять настоящее космическое путешествие на столь утлом суденышке! Инженеры-консультанты – крохотули рядом с полнорослыми Астрономами – обратили внимание на любопытные характеристики магнитополевой конфигурации и предложили исследовать удлинённый тонкий корабль детальнее.

Возобновилась жаркая дискуссия. Мемора начало раздражать творившееся вокруг. Снова и снова воспроизводится давний диспут: Наблюдатели (их презрительно называли Сидельцами) против Танцоров. Префект предъявила собранию старинные записи и даже дала слово голосам далекого прошлого. Опыт предков, сделал вывод Мемор, говорит в пользу Танцоров. Неудивительно. Истории перемен всегда захватывают более, нежели истории стазиса. Перемены – суть Истории, так велит эволюция. Этот приказ цепко внедрен в мозг.

Астрономы древности запускали множество кораблей, в основном через Гамма-Пику. Они посетили множество планет, обследовали их – и забросили. Об этих случаях сложено мало историй, однако Наблюдатели продолжали апеллировать к ним. Мемор потянулся, желая показать, что следит за происходящим. Наблюдатели так напыщенны и скучны, но... Мемор оставался мужской особью, а Танцорам нравились увлеченность и разнообразие. Мудрость является позднее: Наблюдатели почти поголовно женского пола.

Мемор ныне пребывал посередине между ними. Он ощущал надвигавшиеся Перемены, но мужское мировосприятие еще сохранялось.

Ассамблея довольно долго ковырялась в пыльных архивах. Мемор плыл на волнах историкоморя, переживал записи так, словно они относились к его личному опыту. Красочные, увлекательные, снабженные аннотациями древних трюков и смелых эксплойтов. Он искренне восхищался.

Чаша Небес избегает приближаться к солнцам. Она слишком величественна, слишком массивна, способна столкнуть с орбит обитаемые миры. Она посылает корабли. Телескопы у Астрономов, впрочем, всегда были великолепны; точная природа мира или его спутника выяснялась задолго до запуска корабля с ободка Чаши к интересовавшей исследователей системе. Путешествия к планетам отнимали не одну сотню долгих циклов. Один или несколько крейсе-

ров комплектовались модулями для высадки на поверхность, а иногда приходилось сооружать орбитальные лифты и доки.

Мемор выпрямился, издал фыркающий звук, сфокусировался на становящихся однообразными записях. Ну вот, скажем, более или менее захватывающая история. Чаша пролетела поблизости от массивной планеты, слишком массивной, чтобы высылать туда экспедицию. Кораблематка расположилась в квазиустойчивой точке недалеко от крупнейшего спутника; суда странных угловатых очертаний поднялись с поверхности массивного мира, подобные розовым искрам: ракетные двигатели. Орбитальных лифтов не оказалось. Простейшие технологии. И как только пальцезмейки вышли в космос – изобретательные же они существа! Сотни долгих циклов миновали во взаимном изучении. Маленькие пальцезмейки в результате несколько усовершенствовали свою технологию, но ничем таким, что могло бы угрожать Чаше, не разжились. Чаша, конечно, получила взамен самые крохи.

Затем двести пятьдесят шесть пальцезмеек отправились в Чашу на борту кораблематки. Небольшая колония интегрировалась легко, не потребляя значительных ресурсов. Они оказались куда способнее к тонкой работе, нежели большинство Птиценарода. Искусные ремесленники, великолепные техники-ремонтники. В эти дни их редко удавалось увидеть: обитали они в основном под землей. Мемора поразило уже то, что столь крошечные существа вообще вышли в космос, принимая во внимание их страстную привязанность к подземным укрытиям.

Уроки эпох разворачивались и прокручивались в мозгу Мемора. Вокруг него остальные Астрономы также бороздили глубины истории. Одну из старых особей сморил сон. Из уважения к ее мудрости все сделали вид, что ничего не замечают.

Вот история о том, как некие бандиты атаковали приближавшиеся исследовательские корабли Астрономов. Астрономы дали отпор. Оборонительные комплексы Чаши проявили себя достойно. Астрономы продолжили свою миссию. Несколько отрядов Захватчиков заманили на поверхность, взяли в плен, использовали в еврической программе, натаскали на покорность. Ныне эти существа с четырьмя конечностями неплохо проявили себя в земледельческой экосистеме.

Существа, именуемые силами, явились как мародеры. Они воспринимали Чашу как средоточие высокотехнологической цивилизации и желали вкусить ее тайн. Первые циклы после их пленения оказались весьма суматошными, но постепенно волшебство тренировочных программ победило. Силы проявили себя умелыми работниками, ныне – практически бесценными. Адаптированные к их анатомии космоскафандры позволяли им выполнять сложные задания в инфраструктуре Чаши. Впрочем, даже теперь, спустя двенадцать миллионов долгих циклов, их преданность оставалась несколько неустойчивой.

Мемор продолжал листать историю за историей. В воздухе вокруг него реяли изображения. Голоса мертвых возбужденно повествовали о давно забытых триумфах.

А вот – исполинская газовая планета, родной мир живых дирижаблей. Зонды сумели захватить достаточно молодежи, чтобы дать начало устойчивой популяции. Существа эти жили и плодились в воздухе, лишь изредка спускаясь на поверхность. В плотной атмосфере Чаши им было уютно и безопасно. Биоинженеры искусно перенастроили их гены на физическую выносливость и повиновение. Спустя миллион долгих циклов дирижабли превратились в неопределимо важный элемент цивилизации Чаши. Они предоставляли возможность воздушных путешествий без затрат топлива. Такое наслаждение было доступно всем особям на высших ступенях иерархии Птиценарода.

Мемор погружался в анналы истории, одновременно сражаясь с обуревавшими его судорогами, спазмами, приступами.

А оно вообще того стоит – превратиться в женскую особь?

Трудно судить сейчас, в нескончаемой агонии. Он как мог сфокусировался на главном. Разум воспарил над страдавшей плотью. Подсознание сбросило маску и вышло на бой с болью и лихорадкой, пока Сознание укрылось в глубинах прошлого.

Вот иномирские существа не сумели должным образом адаптироваться к новой экологической нише. Генетические модификации не дали результата, однако их удалось трансформировать в новую форму жизни – скрикоров, ценную и приятную на вкус добычу. Этих животных можно было употреблять в пищу необработанными, удовольствие оттого не умалялось. Мемор тут же сильно проголодался, внутренности его заныли: от одного лишь соприкосновения с сенсорно сладостными концептами погони и добычи ему нестерпимо захотелось отведать такого скрикора.

Истории успеха разворачивались, всплывая из глубины веков. Они породили достигнутый ныне идеальный политико-экологический баланс. Чаша была не статичным инструментом, не артефактом, а живым существом. Впервые за миллионы долгих циклов нагрянули гости. Конечно, их можно испепелить, хотя и не без труда: это потребует мастерского обращения с колоссальными энергиями. В прошлом такое уже случалось.

– Гамма-Пика нацелена, – сообщила старшая и указала на звездную чашу. Корабль пришельцев намеревался влететь прямо в струю. Вот дебилы! добавила от себя старуха.

Мемор, покачиваясь на непослушных ногах, поднялся было, намереваясь вступить в спор.

Что мы, в конце концов, теряем? Это корабль-ионоточник, построенный по необычным дизайнерским принципам и с немалой конструкторской смелостью. Он позволит ознакомиться с новыми режимами интеллекта. Странными, увлекательными режимами.

Приключение!

Высказавшись, Мемор сел. Остальные затянули свои подвывающие песни: дискуссия продолжилась.

Мемор пытался отслеживать дискурс, никак не выдавая смятения от борьбы с самим собой. Разум его переполняли дикий эмоции, древние истории укладывались с ними в странное симфоническое мышлеединство. В избранных историях ничего не говорилось о поддержании стазиса. Перемена значит действие. Действие значит приключение. Наблюдатели следят за равновесием Чаши, но авторы лучших песен – сплошь Танцоры. Разумеется, случилось, что незваных чужаков попросту уничтожали. Но разве это не скучно?

Возможно, Мемор и его соседи слишком уж увлеклись героическими историями о переменах и подвигах. Время покажет. Но пока что Мемор еще Танцор. Он должен действовать сообразно.

Его так захватила сопровождавшаяся жаркими приступами лихорадки внутренняя борьба, что он едва отметил, как Танцоры побеждают на голосовании. Лишь когда кто-то из друзей Мемора обратился к нему с сердечным приветствием, Мемор понял, что его избрали Руководителем Операции. Это означало, что именно Мемору предстоит разбираться с чужаками, если те отважатся высадиться в Чаше.

– Но почему я? – спросил он прятельницу из Наблюдателей.

– Ибо у тебя острый ум. И полно врагов.

– Мои враги...

– О да, они жаждут твоего провала.

Мемор смолчал, но решил, что лучше пока плыть вместе с приливом.

Напыжившись из последних сил, он возгласил – на мужской речи – благодарности всем присутствующим.

Да придут чужаки!

Часть вторая

Сильные становятся круче¹³

*Как мал ты, человек, а ночь
Бескрайняя чудес полна.
Лорд Дансени*

7

Они оставили на борту «Искательницы» дежурную команду из семи человек. Редвинг во всеуслышание сетовал, что протоколы миссии возбраняют ему покидать корабль, но был рад, что оставшихся достаточно для поддержания базовой жизнедеятельности спящих и обслуживания бортовых систем.

В экспедицию отправились десять членов экипажа – Бет, Клифф, Фред, Викрамасингхи плюс еще пять оживленных. Эти последние все еще не вполне оправились от шока. Клифф, как старший по званию офицер, номинально считался командиром, в основном потому, что Редвингу не хотелось откладывать вылазку на поверхность до выхода из гибернации следующего по рангу корабельного офицера. У Клиффа табель о рангах в одно ухо влетела, а из другого вылетела; он подозревал, впрочем, что скоро им всем будет не до устава.

Терри Гоулд и Тананарив, однако, действовали по уставу, а именно проверяли остальным снаряжение и готовили его к быстрому применению. Походные рюкзаки, сухпайки, вода, лазеры, разная аппаратура, все компактное и устойчивое к передрягам. В низкой гравитации Чаши человек мог поднять груз больший, чем на Земле, и они воспользовались этим преимуществом. Клифф, Бет и Фред основную часть долгого полета провели, занятые тем же самым – проверяли и перепроверяли снаряжение. Потом перешли к изучению мультиспектральных карт поверхности. На плоских участках стояли какие-то с трудом различимые колонны – не пилоны, а словно бы возвышенности ландшафта.

– Бьюты¹⁴, – сказала Бет, отхлебывая кофе. – С зачерненными верхушками. Я такие на западе Северной Америки видела, но эти куда выше. Такое впечатление, что они поднимаются до самого Свода Небес. До мембраны, удерживающей атмосферу, видите? Вон та тонкая голубая пленка касается вершины бьюта.

– Они высоченные, – добавил Фред с довольной усмешкой. – Почти семь километров. Ниже Эвереста, а с марсианским Олимпом и сравнивать нечего, но чисто по приколу стоило бы подняться. Я всегда хотел побывать на Эвересте.

Клифф старался говорить спокойно и даже изобразил убедительную улыбку.

– Мы тебе устроим поход.

Временами Фред бывал очень милым парнем.

Под мерный клекот двигателей Клифф приглядывался к Фреду – поджарому, мускулистому, местами даже загорелому. Как, черт побери, он умудрился загореть? Клиффу и на сон-

¹³ Это вторая часть известной фразы-поговорки Джозефа Кеннеди (отца президента США Джона Кеннеди), которая в полном варианте звучит так: When the going gets tough, the tough get going, букв.: «В крутой передряге сильные становятся круче».

¹⁴ На Земле – изолированные горные массивы с практически отвесными стенами, уцелевшие после разрушения более протяженной горной страны. Обычны для континентальных областей США. Характерным примером является вулканический монолит «Башня Дьявола» в штате Вайоминг, высотой более полутора километров.

то времени не хватало. По крайней мере, если Фреда завалить работой, он переставал безостановочно молотить языком.

Последний этап долгого снижения с орбиты выдался нелегким. В каютах так и воняло страхом: все были уже на пределе. Странно было спускаться навстречу бескрайнему, уходившему во все стороны ландшафту, сознавая при этом, что находишься в космосе.

Чаша поглотила их.

Торможение не когтило, воздух не пел приветственных песен. Клифф уставился на сенсоры: один дисплей показывал висящую над ними на бледно-синей нитке пламени «Искательницу солнц»; другой демонстрировал приближавшуюся бесструктурно-черную вершину быюта. Еще один экран был занят обзорным изображением струи.

Клифф лениво следил, как извиваются огненные плети – оранжевые и цвета слоновой кости. Внезапно ему явилась идея.

– Абдус!

Индиец лежал в противоперегрузочном кресле. Лицо его было мертвенно-бледным, а самочувствие – несомненно хреновым.

– Ты ведь изучал струю?

– А? А, да... Клифф...

– Что именно она излучает?

– Рентген. Микроволны. В ИК-диапазоне тоже... много.

– И?

– В видимом свете – не сильно. Много микроволнового и широкополосного... радиочастотного... шума.

Прикованный к креслу Абдус явно радовался возможности отвлечься от мыслей о грядущей посадке.

– Она... такая красивая. Такая... громкая.

– Готов побиться об заклад, что именно поэтому мы и не слышали их передач. Они избегают радиочастотного и видимого диапазонов. Используют связь напрямую по лазеру – и по боковым лепесткам зацепить сигнал невозможно.

– А, да, они... умные, – ответил Абдус, умолк и уставился в летевший навстречу ландшафт. Губы его неслышно двигались.

Овал озаряли молнии. Какой-то электрический процесс, подобный каскадным световым занавесям, исходящим из земной ионосферы? Клифф следил за быстрыми оранжевыми разрядами, скользившими по быюту, как сверкающие пальцы.

Удерживающая атмосферу светло-синяя мембрана простиралась теперь прямо под ними. Видна она была лишь под определенным углом зрения. Свет Викрамасингх отражался от длинноволновых фронтов, рябивших по мембране, уподобляя ее прозрачному океану. Клиффа поражало, как легко обмануть мозг: кряжистые горы и длинные глубокие зеленые долины, казалось, лежат на океанском дне. Отчего-то конструкция выглядела и удивительной, и знакомой, родной, почти как обычная планета.

Они летели под углом к поверхности, двигатели рычали, у Клиффа сводило зубы. Челнок мчался над мембраной, как скейт, Клифф видел медленно перекатывавшиеся по ней волны, величественно пульсирующие складки. Чем движим этот механизм?

Как похоже на океанские приливы Земли. Вероятно, волны порождаются вращением огромного артефакта и в свою очередь влияют на погоду под мембраной. Так и в земной атмосфере – ураганы возникают из-за вращения планеты относительно полюсов. Каких еще удивительных аналогий можно ожидать в столь колоссальном масштабе?

Он наблюдал за длинной вереницей дождевых облаков, зацепившихся за гребень волны. Гневные сине-серые облака кучились к высокому светлому пику, как если бы, поднимаясь,

остывали и теряли влагу. Клифф проследил, как окруженный тучами гребень удаляется к горизонту. Дождевые фронты маршировали, как солдаты полка на плацу: по позвоночнику Клиффа побежали мурашки. Сама мысль о дождевом фронте, распространившемся по территории обширней земного континента, сбивала дыхание от изумления.

Они оказались прямо над черной колонной и начали снижение. Желудок Клиффа взбунтовался, порываясь вывернуться через горло. Он стиснул зубы. «Эрос» швыряло и выкручивало, но Бет удерживала курс. Их вжало в кресла.

– Останец! – вдруг вскрикнула она. – Твою мать!

– Что? – крикнул в ответ Абдус. – Что там?

Пауза.

– Все будет в порядке, – ответила Бет, насилу успокоившись. – Я справлюсь. Держитесь крепче, хлюпики. Кто-то должен был это заметить. Черт.

Бет говорила теперь сквозь сжатые зубы.

– Что?.. – прорезалась складка между бровей Абдуса.

– Нет там никакой скалы. Это труба! Полая труба! Поверхность... я не вижу поверхности, она затенена, но до нее семь километров. – Тряска поутихла. – Не хотела бы я спалить все топливо. Остается надеяться, что у этой трубы есть дно и что она не заканчивается, скажем, в лесу. Абдус, можешь подсветить мне путь радаром?

У Клиффа пересохло в горле. Он каркнул:

– Дно? А какие еще могут быть варианты?

– Ну, у трубы может не оказаться дна. Вдруг она проходит через весь Кубок мира – и в космос?!

– Что?! – выговорил Абдус. Глаза его закатились, радужек почти не было видно.

– Я так думаю, что эта труба проходит насквозь. Им так проще, чем лететь вокруг Чаши. – Бет указала на перетасованную колоду спектрограмм. – В полном спектре она именно так и выглядит. – На некоторых спектрограммах через трубу проглядывали звезды.

– И?

– Мы могли бы пролететь в эту трубу. Что там на радаре? Посчитай угол.

Абдус кивнул и подтянул к себе планшет. С него катился пот.

– Ну, – сказал Клифф, – ничего же страшного, «Искательница» нас подберет.

– В том случае, – отозвалась Бет сдавленным голосом, – если на полпути трубу не законопатят.

– Здесь есть дно, – сказал Абдус. – Сама глянть. Радар показывает, что это дно искривлено. – Двигатель снова рыкнул, а челнок скрипнул и застонал. Клифф не отваживался заговорить. Если кому сейчас и надо было выговориться, так это Бет, иначе у нее сдадут нервы.

– Нет, Абдус, оно плоское. В нем дыра. Ловчая яма, полная звезд! А нам ведь нужно высадиться, так? Пролететь Чашу насквозь мы не хотим. Эй, смотри, на дне свет! Вон оно что...

«Эрос» еще раз дернуло, а потом потащило в сторону кориолисовой силой.

8

Бет посадила челнок, спустившись вдоль стены скалы-останца немногим менее, чем на два километра, на выступе шириной километра четыре. Оказалось, что внутри трубы возведена еще одна стена, а уже за ней из дыры десятикилометрового диаметра выглядывает Вселенная. Под управлением Бет челнок бешено плясал на струях огня, пока не отыскал себе свободное местечко. Они бухнулись в объятия центробежной гравитации.

Бет оглядывала останец: снизу, из ряда окон, широких и узких, лился бледный свет оттенка слоновой кости.

Если бы осталось хоть немного времени на рефлекссию, всех придавило бы значимостью момента. Они понятия не имели, что ждет их за пределами челнока, и разговоры ничуть не увеличивали это нулевое знание.

Они выбрались наружу в полном космическом обмундировании. Клифф вполуха слушал, как Фред докладывает Редвингу. Задержка прохождения сигнала составляла уже семнадцать секунд и продолжала расти. Они стояли у трапа «Эроса», в неясном свете, и смотрели на ряд забранных чем-то вроде стекла ящиков возрастающего диаметра. По ту сторону тянулся лес.

– Это воздушные шлюзы, – со счастливым смешком сказал Фред. – С прозрачными стенками. – Увидев, что веселье никто не разделяет, он перестал смеяться. – Вы прикиньте, вон тот шлюз на дальнем конце, он в пятьдесят или шестьдесят раз крупнее «Эроса»! Я догадывался, по размерам артефакта, что им понадобится пропускать внутрь огромные машины, но такого... – Он снова рассмеялся, не найдя слов. – Мне нелегко описать увиденное. Капитан Редвинг, работают ли наши шлемокамеры?

– Нам сгодится и один из шлюзов поменьше, – сказал Клифф.

Огромные сооружения вызывали у него не смех, а трепет. Ближайший шлюз, отнюдь не самый крупный, легко мог пропустить «Эрос».

С задержкой, вносимой скоростью света, Редвинг пробурчал из динамика:

– Камеры работают. Разрешение не очень. Фред, ты говори, я внимательно слушаю. Нам тут одиноко.

– Нас тоже никто не рвется встречать, – вставила Бет.

Самый маленький шлюз им бы явно не сгодился – в него бы едва пролез ребенок. Клифф указал на другой, куда без труда прошествовала бы пара слонов. Бет согласилась. Они вывели из «Эроса» по пандусу роверы, нагрузили и выстроили перед шлюзом. В меньшей по сравнению с земной гравитации Чаше скафандры казались легкими.

Бет было не по себе от одного взгляда на деревья за двойной стеной светло-синей пленки. Как странно – черные тонкие ветви, мягкие розовые листья, верхушки крон словно морковки. Но все же это были именно деревья. Люди попытались открыть шлюз.

Это им не удалось.

Три дня они пытались пробиться внутрь, используя все захваченное с собой оборудование. Бет вконец вымоталась, перетаскивая аппаратуру к рабочей зоне, настраивая, тестируя, соединяя – и в награду получала только ожесточенные пререкания.

Она понимала, что людям, попавшим в стрессовую ситуацию, просто необходимо погрызться, выпустить пар. Участники экспедиции искали на окнах и стенах элементы управления – не нашли. Поверхности были гладкими, прозрачными, немаркированными. Скорее всего алмазными или из какой-то еще аллотропной формы углерода. На синей внутренней стене имелись какие-то выступы, может быть ручки – для очень больших или неловких пальцев, докладывал Фред на «Искательницу солнц» (корабль удалился уже на световую минуту). Но снаружи ничего подобного не сыскалось. Ничего похожего на компьютерный интерфейс, который они могли бы распознать, никаких клапанов, рычагов, кнопок, тумблеров. В общем-то неудивительно: оборонительная же архитектура.

Они простукивали и зондировали отвесную стену. Та оказалась необычайно твердой и возносилась, насколько хватало глаз, разделяя вакуум и атмосферу. Сквозь прозрачную преграду экспедиция наблюдала за переменами погоды: один день проливной дождь, другой сплошная облачность... Глядя вверх вдоль прозрачной внутренней стены, можно было увидеть, как облака застилают выкроенный из небесного пирога сегмент. Медленные ветра прогоняли облака по всей длине исполинского останца. Пока остальные напряженно работали, Бет и Клифф иногда позволяли себе выбраться на минутку, поглядеть на деревья, почву, мелькавших в листве существ. Какая-то зверушка вроде лисы почти ускользнула от нападавшей птицы...

Чужой мир. Они словно столпились перед музейной диорамой. В вакуумных скафандрах с рюкзаками.

По ту сторону все в мире шло своим чередом.

Меж ветвей носились птицы, похожие на ласточек, но куда крупнее. Летали они стремительно, иногда собираясь в стаи. На поверхности, у корней, проблескивали яркие красочные вспышки – цветы и лепестки? Но сквозь подлесок и кусты от них тянулись щупальца – зачем? Ветви и стволы деревьев изгибались зигзагами, изящные серо-синие существа с гладко-скользкими шкурками – белки? та же экониша? – перебегали с земли к вершинам и обратно. Странные углы сочленения веток со стволами, шишковидные конструкции вроде гнезд, откуда вылетали ширококрылые птицеобразные существа...

Говард подыскивал аналогии из земной природы. Иногда они даже оказывались удачны, иногда представавшие команде явления при такой подстановке теряли смысл. Поразительный мир... Постепенно Говард бросил разговаривать с Клиффом и только делал заметки.

Редвинга все больше раздражала их неспособность пробиться внутрь. Приказы он теперь отдавал отрывисто-грубо, и команда «Эроса» просто прекратила отвечать. Бет не удивилась.

Она полагала, что шлюз открывается неким кодовым сигналом, но во внешнем виде бесструктурной гладкой прозрачной стены не находила никаких подсказок. Абстрактная проблема общения с внеземными цивилизациями внезапно налилась конкретным содержанием.

Лазерные лучи, пучки частиц, микроволновые антенны не проникали глубже чем на метр; напоминавшая яичную скорлупу стена от этого разве что меняла цвет в месте зондирования.

На третий день они как раз заканчивали перемонтировать усиленный микроволновой излучатель. Бет отошла передохнуть и, уперев в бедра руки в перчатках, недовольно уставилась на установку. Пока что устройство со стеной сладить не смогло, отчего ж надеяться на лучшее?

– Там что-то движется, – очень тихо произнес Фред.

Все повернулись и увидели большое многоцветное существо, выходящее из сени деревьев. По всему телу его были сложным узором разбросаны синие, желтые и фиолетовые полосы. Существо вертело крупной узкой головой, поглядывало на них парой больших глаз, под которыми виднелся длинный нос. В его движениях проступало неторопливое изящество. Обитатель Чаши был высок, ростом не меньше трех метров, и перемещался грациозно, на длинных ногах, делая большие шаги. Рот его напоминал птичий клюв и заканчивался утолщением. Длинные верхние конечности завершались сложно устроенными руками. Туземец нес какой-то круглый предмет, а за ним из леса вышли еще трое таких же. Казалось, что они просто прогуливаются, убивают время, но делают это... быстро. Бет стояла неподвижно, но осознала, что первую встречу с разумными инопланетянами надо бы отметить какой-нибудь более информативной репликой.

– Они прекрасны, – поспешила заметить она.

– Это птицы, – сказал Клифф. – Вон, гляньте на цветастые полосы. Перья.

– Разумные птицы? – с сомнением спросил Фред.

– Ну, вороны же разумны, – сказала Ирма. Потом пожала плечами: – Кое в чем.

Говард Блэр просто стоял и во все глаза смотрел на Птиценород, прижав руки в перчатках к прозрачной стене. В штате Мэриленд, на Земле, он содержал частный зоопарк. Он издавна собирал животных и стал кем-то вроде телезвезды, появляясь со своими странными питомцами на различных шоу. Клифф попросил Редвинга разморозить Говарда как раз потому, что этот человек должен был оказаться привычен к разнообразным биоокружениям и поведению диких животных.

Прошло несколько минут. Люди и Птицы стояли по разные стороны стены и смотрели друг на друга.

Птицы быстро подергивали передними тонкими конечностями, поворачивали длинные шеи, крутили клювортами. В них легко было увидеть птиц, сменивших руки на крылья, но в то же время их походка отличалась легкостью и грацией, элегантностью движений, не напоминавшей ни одно существо земного происхождения. Бет нашла их движения завораживающими – все равно что созерцать невиданный танец. Новоприбывшие не делали попыток открыть шлюз.

Спустя мгновение Клифф наставил палец на Фреда с Ирмой Микельсон. Ирма была ботаником из недавно оживленных.

– Вперед. Покажите им руками, что мы хотим открыть замки.

Завидев Ирму и Фреда, Птицы пришли в возбуждение, защелкали клювами, но на жесты и сигналы не ответили, только глаза таращили. Зато они явно переговаривались между собой. Потом стали прикасаться к различным предметам на поясах и жилетах.

Бет пристально следила за чужаками, хотя у всех людей давно уже включились видео- и аудиозапись.

Ей показалось, что Птицеларод вообще не носит одежды, если не считать чего-то вроде поясов, жилетов и сумок. Тела существ были покрыты обширными цветастыми полосами, слававшими сложные узоры, особенно на шеях. Некоторые Птицы носили что-то вроде гарнитур или узорчатых шляпок. Головы Птиц осеняли впечатляющих размеров многоцветные плюмажи, у каждого чужака своей расцветки: розовые кожистые гребешки перемежались интенсивно окрашенным оперением.

Птицы были не так высоки, как сперва показалось, но все же самое высокое существо достигало двух с половиной метров. Голос Редвинга сказал по комм-линии:

– О, у вас появилась компания. Как раз вовремя! Фред, не забывай отписываться.

Фред не ответил.

Появилось еще несколько Птиц. Они выступили вперед и, казалось, обратились к остальным. На языке тел: важная поступь, наклоны, раздувание плюмажей.

Затем и клюворты стали плевать звуками.

– Мы заметили два рода существ – по крайней мере два, назовем их большими и средними; средние все еще крупнее нас самих. Большие, кажется, отдают приказы средним. У больших какие-то шейные подключные или затылочные мешки.

Первый Контакт превратился в наблюдение за немой пьесой.

Опасаясь, что Птицеларод воспримет зондирование стены как атаку, люди прекратили обстреливать ее мазерами. Оставалось стоять и смотреть.

Бет, не выдержав, фыркнула. Пролететь световые годы, повстречать несомненно разумных иномирцев – и делать им особо нечего, кроме как зенки таращить.

Ее напряженность наконец заразила Клиффа:

– Хорошо, всем уйти внутрь. Возможно, это спровоцирует их на какие-то действия.

Бет подумала, что это неплохая идея: запасы воздуха и энергии в скафандрах все равно подходили к концу.

На следующий день ничего не произошло. Птицы приходили и уходили, но к шлюзу не приближались.

Люди раскинули лагерь поосновательнее: с палатками, водяными баками, микроволновыми печками. Толку в вакууме никакого, но – надеялась Бет – авось Птицеларод что-нибудь поймет о том, как живут земляне. Составили график дежурств: кто-нибудь всегда оставался начеку, следя за Птицами и снимая все их перемещения на камеры. Строили гипотезы на предмет странного бездействия Птицеларода – капитан Редвинг предложил полдюжины, – но способ проверить их не было, а следовательно, и проку. Так и проводили время: говорили друг с другом, с «Искательницей солнц», пытались что-то сообразить.

Птиц появлялось все больше. Выстроившись в просторные ряды, они заняли все поле зрения. Подсчеты камеры Абдуса говорили, что их тут свыше тысячи.

– Может, они утратили доступ к этой технологии? – удивлялась Ирма. – Или это всего лишь местные животные?

– У них при себе вещи, – возразил Абдус. – Не просто шейные мешки. Вон у тех крупных инструменты. Понятия не имею, что это, но они большие, пяти метров длиной. И, кажется, металлические.

Они ждали.

Появилось еще больше Птиц.

Клифф в поисках какого-то выхода из тупиковой ситуации предложил подумать, как бы пробить стену. Против их инструментов не устоял бы даже алмаз, так почему бы не прорезать внешнюю дверь воздушного шлюза? Не исключено, что внутри удастся разыскать и активировать систему управления шлюзом.

Ему возразили. Наступил ключевой момент: не следует-де предпринимать никаких действий, в которых местные могут усмотреть намек на агрессию. Эта точка зрения с переменным успехом продержалась целый день, пока Ирма не уточнила, сколько они еще собираются сидеть и ждать в бездействии. Пока на «Искательнице солнц» не кончится воздух? Так его на столетия хватит.

Так или иначе, основная трудность состояла именно в преодолении преграды. До сих пор ничего не сработало, поэтому команда взялась за газовые лазеры повышенной мощности, работающие в ультрафиолете, который стена воздушного шлюза полностью поглощала. Сомневаться в исправности лазеров не приходилось: тестовую мишень они рассекли, а срез испарили до газообразного углерода.

Лазер установили поодаль от воздушного шлюза. К этому моменту все внимание собравшегося Птиценорода обратилось на людей. Бет немного нервничала под взглядами толпы инопланетян. Те просто наблюдали. Ожидают ли они какого-то особого действия? Неподвижные взгляды производили впечатление исключительного спокойствия. Или, напомнила она себе, исключительно чуждого сознания.

Редвинг по комм-линии спросил, не думают ли в экспедиции, что это какой-то тест. Возможно, Птицам неинтересны гости, не сумевшие даже самостоятельно пробраться внутрь?

Они начали с срединного участка наружной двери шлюза. Акустические детекторы, установленные поблизости, зафиксировали шипение. Птиценород заполняет люк воздухом! Превосходно!

Но шлюз не открылся. Что это значит? Птицы смотрели на людей поблескивающими глазами.

Клюворты шевелились. Даже тела как-то странно двигались, словно Птицы танцевали.

Давление в шлюзе при вакууме снаружи усложняло работу. Никому не хотелось, чтобы собравшийся воздух вырвался наружу взрывоподобно. По соображениям безопасности они окружили намеченный участок дополнительным маленьким шлюзом, призванным компенсировать давление. После этого прорезали лазером путь внутрь.

С первым разрезом пришла небольшая проба воздуха. Он был теплым, влажным, в целом пригодным для дыхания – несколько больше углекислого газа, но меньше кислорода, чем на Земле, отличия по остальным компонентам незначительны. Чужаки исхитрились изучить человеческую биохимию? Маловероятно. Однако молекулярные проценты соответствовали данным первоначальных измерений «Искательницы солнц».

– В земной атмосфере содержание кислорода так высоко, что еще чуть-чуть – и он бы поддерживал спонтанные возгорания в летнюю пору, – сказал Говард. – Возможно, биосферные показатели подбираются к этому уровню, затем перестают расти. В противном случае все бы выгорело – так или иначе вернувшись к нашим уровням.

– Я никогда об этом не думала, – шепотком ответила Бет. – Здесь все время тепло: как знать, вдруг от этого оптимальное содержание кислорода понижается?

Всех участников экспедиции обуревал боязливый трепет от пребывания в этом месте. Они старались двигаться осторожно и говорить тихо.

– Чем больше я наблюдаю за происходящим здесь, тем меньше понимаю, – признался Говард. – Некоторые растения и животные явно имеют земные корни, а некоторые – нет. Клифф, мне кажется, эта штука – Чаша – уже побывала вблизи Земли и отобрала с нее ряд жизненных форм. Птицы, наверное, так и появились. Мне бы на скелет посмотреть... Клифф? Кто-нибудь? Ну что нам дальше-то делать?

Несмотря на возраставший временной лаг с кораблем (он составлял уже четыре минуты), все согласилось, что пора запросить указаний капитана. Редвинг мялся: ясно было, что на тренингах лидерских качеств его ничему подобному не учили.

Команда совокупными усилиями втолковала капитану, что от него теперь требуется дальнейший план исследований. Некоторые стремились изучать Кубок мира, по крайней мере до тех пор, пока не отыщут способ восполнить истощенные ресурсы «Искательницы солнц». Но тогда им понадобятся участники экспедиции вместе с их челноком. С другой стороны, не станет же Птиценарод ждать вечно.

Или станет?

Кончилось дело тем, что они бросили жребий, и так вышло, что через дверь, если ее удастся полностью прорезать, партию поведет Клифф. Бет, как пилот, должна была остаться на челноке. Им двоим это разделение не очень понравилось, но команда была малочисленна и равноценной замены для них, с той же комбинацией полезных навыков, не существовало. Бет поглядела на Клиффа и скорчила гримаску. Ту ночь они провели в объятиях друг друга, но у них хоть уважительная причина. А каково остальным делать вид, что они ничего не боятся?

9

Они взялись за дело следующим утром. Разумеется, отсчет велся чисто условно – расветов в Чаше не бывало.

Отряд Клиффа включал Ирму и четверку мужчин. Все они были мускулисты, высокорослы, атлетичны. Бет и Клиффу пришлось примириться с тем, что они разойдутся дальше чем на несколько метров, хотя им это очень не нравилось.

Любой меридиан тут можно было считать Гринвичским: как и над Британской империей, над Чашей никогда не заходило солнце. Красная звезда висела на небосводе всегда в одном и том же месте, отвечавшем полудню. Яркой неоновой чертой перечеркивала небеса плазменная струя, отбрасывавшая диффузные тени. Станный ландшафт дразнил разум и вводил в заблуждение глаза.

Они понятия не имели, нуждается ли Птиценарод вообще во сне, хотя Ирма просмотрела записи с камер и заключила, что у каждой особи выпадает несколько часов вертикального пребывания в относительной неподвижности с закрытыми глазами. Птицы вроде бы не садились – может быть, строение ног им этого не позволяло. И не летали.

Клиффу они больше всего напоминали страусов. Они были куда грациознее и красивее, но сходство оставалось несомненным.

Интересно, это Птиценарод построил Чашу?

Газовый лазер дырявил наружную дверь шлюза часа три. На полной мощности луча он таки смог прорезать в ней арку, достаточно просторную, чтоб туда протиснулись люди. Первым шел Клифф. Ощущение собственной уязвимости заставляло его нервничать. Громоздкий скафандр давил и стеснял. Дыра была диаметром едва больше торса Клиффа.

К тому времени лазер разрядился, перегрелся и выключился. Операторы установки – инженеры Лау Пинь и Айбе – корпели над переналадкой газовой камеры. Фитинги лазера выглядели неважно.

Ирма передала Клиффу некоторое оборудование и тоже стала протискиваться на ту сторону. Клифф наблюдал за реакцией Птиц. Большие слегка встревожились, начали перебирать длинными ногами, но потом снова застыли. Оперения их продолжали раздуваться и опадать, по телам туземцев пробежали цветные волны.

Ирма пролезла, а Терри Гоулд застрял.

– Ну же, быстрее!

Клифф чувствовал на своей спине взоры инопланетян, оглядываясь через дыру. Туда пролезли Айбе и Говард Блэр. Спешите, спешите! Они намеревались запечатать круглую дыру для минимизации утечки местного воздуха. Работая над герметизацией, Клифф случайно поднял глаза. Большее отверстие изменило форму. Оно перекособочилось и сжалось.

Он моргнул, капли пота упали с ресниц. В скафандре подвшивало. Он слишком долго не выходил наружу.

Дыра по-прежнему выглядела перекособоченной, и под его взглядом края ее стали деформироваться, менять цвет, сморщились, загнулись внутрь.

Значит, это не алмаз?

– Заблокируйте! – крикнул он, указывая туда.

Товарищи попытались воткнуть в отверстие металлические распорки, спешно нарезанные ручным лазером Абдуса. Те какое-то время продержались, потом начали изгибаться, в конце концов разорвались и вылетели из дыры, точно шрапнель, закувыркавшись в воздухе. Дыра еще сузилась.

– Ай! – вскрикнул Говард.

– Отверстие самозаживляется, – сказала Бет по комм-линии. – Назад! Сейчас же!

Клифф прикинул скорость застывания дыры.

– Не успеем. Слишком сузилось. Оно восстанавливается даже быстрее, чем мы его расширяем.

Они стояли, беспомощно глядя, как стена наплзает обратно, будто жидкость. Инженеры лазерной установки пытались что-то сделать, но тщетно.

– Поздно, – отступил от дыры Клифф и скорчил адресованную Птицам гримасу. – И почему мне кажется, что они наперед это знали?.. Неудивительно, что они тут так безмятежно слонялись.

– Они еще кое-что знали, – сказала Бет и вытянула палец. Он посмотрел: за «Эросом» носились какие-то пылинки или мошки. Затем отовсюду засверкали каскадные белые огни.

– Пыль, – уронила Бет. – Она везде. Я ее вижу только боковым зрением. Но она прибывает.

Внезапно все вокруг засияло, словно вершину останца озарили прямые солнечные лучи. Клифф слышал по комм-линии сдавленные возгласы изумления. Бет крикнула:

– В челнок! Тананарив, ну хоть ты! В «Эрос»!

Четверо из команды Бет все еще торчали в построенном у стены собственном переходном шлюзе. Пятая – Тананарив, надо полагать – бежала к «Эросу». Внезапно она остановилась.

За «Эросом» находилась деготная яма, полная звезд, и со дна этой ямы поднялось что-то шестиугольное, покрытое комковатыми наростами.

Из шестиугольника на останец брызнули струи льдисто-белого огня.

На комм-линии поднялся неопиcуемый гам. Панические гневные приказы не имели никакого смысла, так что Клифф просто смотрел, как объект снижается из вакуума, к «Эросу», который против шестиугольника казался детской игрушкой. Все это творилось на расстоянии, может быть, сотни метров.

С тем же успехом их мог разделять световой год. Отверстие, проделанное ими в воздушном шлюзе, продолжало сужаться, и рядом с ним опускался корабль – химерически слеплен-

ная из кубов и ромбоэдров конструкция. Из чрева его выкатилась приземистая, неуклюжая колесная машина.

Звуков он не слышал, и это лишь усиливало ужас. Вместо кабины у колесного аппарата был какой-то блестящий синий пузырь, оттенком напоминавший атмосферную мембрану. Внутри сидели три Птицы, работавших за пультом и посматривавших на консоли, которые сверкали на стенах мазками ярких красок. Действовали они слаженно и проворно. Клифф отметил, что у каждого существа в тройке свой окрас перьев и они кажутся крупнее даже Больших по эту сторону воздушного шлюза. Птицы и их машина двигались словно бы вразвалочку, неуклюже, но в перемещениях чувствовалась неумолимая сила.

Еще трое членов команды Бет выбрались из сооруженного землянами переходника. От колесного танка протянулись опутанные щупальцами шланги, достигли Тананарив, схватили ее и бесцеремонно перебросили в какой-то отсек, может быть грузовой, за пузырем кабины. Другие рукошланги потянулись к остальным, перехватывали их и побросали туда же.

После этого танк укатился назад к кораблю, въехал по рампе внутрь и пропал из виду. Как и Бет.

Как и Бет.

От ужаса Клифф потерял способность соображать. Остальные члены его отряда все еще сражались с неуклонно сужавшейся дырой. Бесполезно. Клифф смотрел, но ни двинуться с места, ни помочь ничем не мог. На комм-линии продолжали кричать, но вопли доходили до него словно бы через вату, слова отражались от ушей и затухали. Слова лишились смысла. Он понимал, что поражен шоком, нем, не в состоянии реагировать на события вокруг. И ничего не мог сделать. Часть его личности просто отключилась. Дыра окончательно загерметизировалась.

Отличное инженерное решение, отстраненно подумал Клифф. По ту сторону ничто не двигалось.

Трое Птиц стояли у самого шлюза. Он отнес их к условной третьей разновидности, с перьевыми, аналогичными таковым у тех, кто сидел в краулере, но не полностью. С холодной, стальной уверенностью существа взирали на людей. Под ногами Клиффа прокатилась дрожь. Он обернулся. На одной из стен шлюза возникли, зарябили, стали меняться символы. Давление тоже менялось.

Толпа за спинами троицы высоких Птиц отступила, кожистые клюворты заходили ходунком. Никак пожаловало начальство. А может быть, палачи.

– Они намереваются отпереть дверь шлюза со своей стороны, – ничего не выражающим голосом констатировала Ирма.

– Айбе! – позвал Клифф.

Голова Айбе дернулась в сторону. Глаза у того лезли из орбит.

– Айбе, как только они откроют дверь, идем на прорыв. Дай мне лазерник.

– Не надо же делать резких движений, – сказал кто-то по комм-сети. Клифф не узнал голоса. – Просто...

– Мы должны сбежать, – повторил Клифф громче. – Всем сгрузить инструменты в рюкзаки.

Он испытал лазер. Короткая вспышка подтвердила, что оружие заряжено. Посмотрел на чужаков. Те были несомненно опасны. Ему отвечать за весь отряд. И будь он проклят, если позволит похитить свою команду, как допустила Бет. Ну что же, что же делать?

Он перевел взгляд на верхушки деревьев. Некоторые кроны пересохли: влага от прошедшего ночью дождя давно испарилась.

– Поджечь деревья, – приказал он. – В Птиц не стрелять.

Тут дверь шлюза со стороны инопланетян отъехала в сторону, хотя Клифф, как ни приглядывался, не заметил, как она крепится. Казалось, что дверь просто истаяла в стене. На

пороге завертелся туман цвета слоновой кости, влажность сразу возросла, и вода осыпалась снежинками.

– Не разделяться! – заорал Клифф и первым пролез в проем.

Тройка Птиц третьей разновидности стояла в двадцати метрах. Большие и Средние пятились, освобождая место. Клифф навел лазерник на деревья и прожег несколько стволов. Взметнулось гневное пламя. Птицы отшатнулись; кто принял оборонительную стойку, кто затоптался на месте, высоко поднимая ноги.

Айбе подметил полосу сухого кустарника и тоже поджег ее. Остальные последовали его примеру, сдвигаясь налево и прикрывая командира. Ирма тащила за собой Говарда.

Деревья затрещали в огне, испуская клубы маслянистого дыма. Клифф слышал высокие пронзительные крики, которые приписал Птицам, но времени подумать над их значением не было. Лишь бежать и стрелять по ветвям, чтобы между людьми и Птицами поднялась завеса пламени. От деревьев слышались приглушенные хлопки взрывов и летели искры.

Чужаки двигались неторопливо. С затянутого облаками неба налетел ветер, пронесся вдоль стены останца и раздул языки пламени в сторону Птиценорода. Клифф и Айбе распределили обязанности: Клифф смотрел в оба, чтоб их не обошли с флангов, Айбе же выцеливал и поджигал деревья. Остальные сгрудились за их спинами. К счастью, в скафандрах дым не чувствовался. Клифф видел, как разбегается толпа Птиц, ища укрытия в лесу.

Вскоре людей заслонила от Птиценорода яростная огненная буря, но земляне еще долго не останавливались. Уровень поверхности стал повышаться, они теперь поднимались в настоящую гору. Лес отдалился, растаял в дыму. Нигде не было видно ни города, ни даже какого-нибудь высокого здания. Огонь распространялся от останца во все стороны, и чем дальше, тем стремительнее.

Ну и натворили мы дел, подумал Клифф восхищенно. Остальные тоже заулыбались под забралами скафандров. Все, кроме Говарда, который бессильно осел наземь, точно мешок с картошкой. Заметив это, Клифф наконец улучил минутку осмотреть его. Из плеча Говарда торчал трехдюймовый осколок металла, пробивший рукав скафандра. Шрапнель, разлетевшаяся при попытке заблокировать дыру. Чертовски много крови, ранение скверное.

Поскольку скафандр Говарда продырявило уже давно, можно было заключить, что местный воздух действительно безопасен. Ирма¹⁵ стянула с него скафандр, потянула для пробы за торчащий из плеча металлический осколок (Говард так ослабел, что и глазом не моргнул), замедлила кровотечение и наскоро шлепнула рядом пластырь анестетика, чтобы Говард хоть мог передвигаться. Тот молчал, разглядывая окрестные растения и животных: мозг биолога продолжал неумолимо работать. Умудрившись поймать здоровой рукой какое-то насекомое, он поднес жужжащее тельце к глазам.

– Какие большие крылья! А строение глаз, никогда такого... ой!

Насекомое унеслось прочь.

Клифф подал сигнал, все стянули скафандры и вдохнули воздух Чаши. Напоенный странными запахами, плотный, чуть горьковатый. Впервые за много лет довелось им втянуть легкими настоящий воздух.

Своеобразная победа. Клифф наслаждался этим моментом, но недолго. Он занялся рукой Говарда и таки вытащил глубоко засевший осколок: тот застрял в кости. Ирма снова открыла аптечку, смазала рану гелем и сбрызнула регенератором. Говарду показали содержимое всех аптечек.

– Болеутоляющее, – шевельнул он губами.

– Ты хочешь бежать? – спросила Ирма с сомнением. – погоди, здесь какой-то местный анестетик.

¹⁵ В оригинале стоит «Тананарив», что является явной ошибкой.

Она осторожно нанесла на рану новый слой белого крема.¹⁶

Бет и ее команда остались по ту сторону и явно попали в плен, но Клифф старался об этом не думать. Отряд устремился дальше. Говард мог передвигаться, но все время молчал, исходил потом и словно бы глядел внутрь себя. Он мало того что не отошел от болевого шока, так еще и оказался одним из последних в очереди на выход из гибернации. Клиффу подумалось, что на долю Говарда выпало слишком уж много странностей. Впрочем, не так ли и со всеми ними?

10

Отряд Бет рассредоточился так, чтобы перекрывать все направления. Они ожидали и наблюдали, напряженно застыв.

Они стояли на краю огромной лысой равнины, спинами к запертым воздушным шлюзам. И тут события сорвались в галоп.

Пространство над Звездной Ямой внезапно отяжелело, обвисло, заполнилось пылью. В вакууме пылинки обычно не ведут себя таким образом: не парят, не сверкают, не взлетают на незримых течениях. Но Бет этого не заметила, потому что все ее внимание (как и остальных) было приковано к отряду Клиффа, угодившему в ловушку внутри шлюза. Те все еще пытались найти панель управления им. Затем из-за пределов сооруженного землянами переходника, над бездонной ямой в подножии останца, воссиял свет.

Все пылинки вспыхнули одновременно, подсветив «Эрос», ряд воздушных шлюзов и основание останца. Из Звездной Ямы поднялся летающий небоскреб в форме шестиугольной призмы, увитой серыми змеевидными катушками. Металлическими, стоило полагать. Змеи раскручивались, некоторые засверкали белым. Другие превратились в копалки, роботизированные руки, кластеры сопел, ракет, сенсоров.

Бет и трое бывших с нею землян в это время еще не выбрались из переходника и стояли прямо перед стеной шлюза. Тананарив была снаружи и увидела, как огромная конструкция пикирует на них.

– Эй! Вон там!

Бет успела закричать:

– Все прочь от этой штуки!

Они встретились взглядами, и Тананарив пустилась бежать. За ней аккуратно раскрылось чрево корабля чужаков. Стена разделилась посередине, из нее выехал небольшой гусеничный танк с клиновидной мордой. В наушниках нечленораздельно завопили. Бет развернулась и увидела, что отверстие, через которое группа Клиффа проникла в шлюз чужаков, затягивается. Викрамасингхи и Лау Пинь пытались его заблокировать, но при этом мешали Клиффу пролезть обратно.

Бля!

Говард Блэр сделал попытку протиснуться через дыру, потом отдернул руку и голову, упал и свернулся клубком. Это произошло через мгновение после того, как одна из распорок согнулась и переломилась, вылетев из дыры, как ядро из пушки.

Из танка протянулась змеевидная рука, подцепила пытавшуюся укрыться в тени «Эроса» Тананарив и перенесла ее в инопланетный корабль. Другим манипулятором танк подцепил и оторвал от поверхности сооруженный землянами шлюз-переходник. Воздух тут же выморозил

¹⁶ В целом эпизод с оказанием первой помощи Говарду производит странное впечатление. Похоже, что здесь в опубликованном тексте совместились фрагменты черновиков, писавшихся порознь Нивеном и Бенфордом. В одном случае осколок из руки Говарда вытаскивает Тананарив (я исправил это место: присутствовать в отряде Клиффа она никак не могла), в другом же над ним хлопочут Ирма с Клиффом. Анестетик Говарду тоже наносят не то дважды, не то даже трижды.

зило, Бет ощутила сброс давления. Она лихорадочно оглядывалась, ища возможности бежать. Такой не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.